

ПРОСПЕКТ СВОБОДНЫЙ-2016

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ СТУДЕНТОВ,
АСПИРАНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ

ЭЛЕКТРОННЫЙ СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ СТУДЕНТОВ,
АСПИРАНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ
«ПРОСПЕКТ СВОБОДНЫЙ-2016»,
ПОСВЯЩЁННОЙ ГОДУ ОБРАЗОВАНИЯ
В СОДРУЖЕСТВЕ НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

КРАСНОЯРСК, СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

15-25 АПРЕЛЯ 2016 Г.

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет»

Сборник материалов
Международной конференции студентов,
аспирантов и молодых учёных
«Перспектив Свободный-2016»,
посвящённой Году образования
в Содружестве Независимых Государств

Красноярск, Сибирский федеральный университет, 15-25 апреля 2016 г.

Красноярск, 2016

ПЕРСПЕКТИВ СВОБОДНЫЙ-2016

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ СТУДЕНТОВ, АСПИРАНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ

Красноярск, Сибирский федеральный университет, 15-25 апреля 2016 г.

«Русский язык и национальная лингвокультура»

**ОБРАЗ ХОРОШЕГО ЧЕЛОВЕКА В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ
СИБИРЯКОВ (ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)****Береснева В.А.****научный руководитель д-р филол. наук, проф. Фельде О.В.***Сибирский федеральный университет*

Лингвистическая аксиология, изучающая ценностные категории, вербализованные в языке, является эффективной формой самопознания этноса, при помощи которой возможна также диагностика духовно-нравственного состояния социума (См. об этом: [Павлов, 2013:7; Толстая, 2015]). В центре внимания настоящей работы – типы и языковые средства выражения оценки образа *«хорошего человека»*. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучать особенности мировидения сибиряков, а также внедрять экспериментальные методы в лингвоаксиологию. Материалом исследования послужили данные свободного ассоциативного эксперимента, проведённого в 2014 – 2016 гг. в СФУ и среди красноярцев среднего поколения. В эксперименте приняли участие 174 человека (97 студентов в возрасте от 17 до 24 лет и 78 представителей среднего поколения в возрасте от 25 до 40 лет). В результате было получено 558 реакций, которые сопоставлены по возрастному и гендерному факторам.

Ассоциативное поле *«хороший человек»*, смоделированное на материале, полученном от студентов мужского пола, включает в ядерную часть ассоциаты: добрый/добряк/добро/доброта (26), отзывчивый/помогающий/ готовый прийти на помощь в любой момент (11). На ближней периферии располагаются реакции: честный (7), весёлый (3), умный (3), воспитанный (3), вежливый (3), а также группа реакций, которые повторились дважды: дружелюбный, справедливый, искренний, ответственный и др. На дальней периферии находится большая группа единичных реакций: душевный, милосердный, щедрый, великодушный, свет и др.

Модель ассоциативного поля *«хороший человек»* на материале, полученном от студентов женского пола, включает в ядерную зону ассоциаты: добрый/доброта (23), отзывчивый (13), честный/честность (9). На ближней периферии располагаются реакции умный (5), весёлый (4), а также несколько реакций, которые повторились дважды: мама, ответственный, милый. На дальней периферии такие единичные реакции, как: искренний, не обманет, хороший собеседник, бескорыстный, понимающий, помощник, надёжный, принципиальный, прямолинейный, не болтливый, поступок, жизнерадостный, высокоморальный, смелый, врач, золото, любящий, солнце, тепло, защитник, благоразумный и др.

Ассоциативное поле *«хороший человек»* на материале, полученном от респондентов среднего поколения мужского пола, включает в ядерную часть ассоциаты: добрый/добро (19), отзывчивый/тот, кто помогает другим/всегда помогающий/не отказывающий в помощи (13), справедливый (13). На ближней периферии реакции: честный (7), надёжный (4), верный (4), заботливый (3), весёлый (3), а также группа реакций, которые повторились дважды: тактичный, позитивный, честь, умный и др. На дальней периферии «мужского» ассоциативного поля находится большая группа единичных реакций: достойный, я, вежливый, любовь, редкий, мудрый и др.

Модель ассоциативного поля *«хороший человек»* на материале, полученном от респондентов женского пола средней возрастной группы, включает в ядерную зону ассоциаты: добрый (19), отзывчивый (10), заботливый (8), честный (8). На ближней

периферии располагаются реакции справедливый (5), искренний (4), понимающий (4), ответственный (3), а также несколько реакций, которые повторились дважды: щедрый, воспитанный/имеющий хорошее воспитание, умный. На дальней периферии такие единичные реакции, как: человек, который не будет принижать личность и интересы другого; защитник, неравнодушные, вегетарианец, трудолюбивый, простой и др.

Сопоставительный анализ ассоциативных полей позволил выявить повторяющиеся у представителей разных полов и возрастов оценочные реакции *добрый, отзывчивый и честный*. Именно эти лексемы дают представление о ценностных доминантах в языковом сознании сибиряков. Отметим, что у мужчин среднего поколения реакция *«справедливый»* оказалась также в ядерной части ассоциативного поля. Реакции, расположенные на дальней периферии, редко совпадают у представителей разных полов и возрастов. Данный факт является закономерным, так как единичные реакции представляют собой шлейф, содержащий индивидуальные представления и оценки, обусловленные личным опытом и ощущениями. Студенты несколько раз «приводят в пример» своих родственников: *мама, мой дядя*. Встречаются ассоциаты «костер», «свет», «тепло».

Языковые единицы, включенные в состав рассмотренных ассоциативных полей, различаются по структуре и грамматически: прилагательные (более 85%), существительные и местоимения (около 3%), словосочетания (около 5%), предложения (около 5%). Большинство из рассмотренных ассоциатов относятся к частнооценочным средствам языка, которые выражают различные типы оценок. На первом месте по частотности стоят слова, выражающие сублимированный тип оценки, в частности, этические оценки типа *добрый, отзывчивый, честный* и др. Рационалистический тип оценки представлен словами, выражающими нормативный тип оценки (*воспитанный*). Сенсорный тип оценки включает психологические оценки (*дружелюбный, искренний*). Среди психологических оценок выделяются единичные интеллектуальные (*умный*) и эмоциональные оценки (*весёлый*). Обращает на себя внимание отсутствие эстетических и утилитарных оценок, что свидетельствует о том, что в языковом сознании сибиряков представления о хорошем человеке не связаны с его внешностью и представлениями о пользе.

Подводя итоги исследования, отметим, что вербализованные ценностные категории отражают не только сущность культуры, но и определяют сущность человеческого мировосприятия. Ядерная часть исследованных ассоциативных полей дает представление об образе хорошего человека и доминантных ценностях сибиряков, среди которых доброта, отзывчивость и честность. Ассоциации респондентов продиктованы национальными представлениями о том, что хороший человек должен обладать высокими морально-нравственными качествами, которые не связаны с материальным благополучием.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988. 341 с.
2. Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов: коллективная монография. М.: ТЕЗАУРУС, 2011. 352 с.
3. Павлов С.Г. Антропологическая лингвистика: Методология междисциплинарного исследования. Н. Новгород: НГПУ, 2008. 78 с.
4. Толстая С. М. Категория оценки в языке и тексте // Категория оценки и система ценностей в языке и культуре. М.: «Индрик», 2015. С. 11-32.

ОСНОВНЫЕ СЮЖЕТНЫЕ ВАРИАНТЫ РУССКОГО ЛЮБОВНОГО ЗАГОВОРА

Бочкова А.С.

научный руководитель канд. филол. наук Сперанская А.Н.

Сибирский федеральный университет

Изучение народного менталитета является важной ступенью на пути познания русского человека. Существенным этапом к познанию менталитета народа является определение народного самосознания. Осознанность народом своего бытия есть, может быть, самая большая сила, которая движет жизнь. Огромный духовный рост, духовное творчество человека начинается с появления литературы, если быть точнее, то с появлением древних форм литературного наследия. К ним относятся памятники фольклора. Фольклор, в понимании Б.Н. Путилова, это древнейший фазис культуры, который сохраняет свои следы и влияние в современности. В фольклоре исследователь видит следы того, из чего слагается наша духовная жизнь [3]. Фольклор тесно связан с народной культурой (см. работы таких известных авторов, как Н.И. Толстой [4], В.К. Чистов, Е.М. Мелетинский, В.Я. Пропп, В.С. Бахтин, А.Н. Веселовский, Ф.И. Буслаев, П.Г. Богатырев и многие другие).

Фольклорные тексты являются наиболее ярким примером языка народной культуры, а изучение языка народной культуры протекает в рамках такой науки как этнолингвистика. Ее основная область – это традиционная народная культура и менталитет того или иного этноса при помощи языка. И язык здесь понимается как духовный код культуры, как ключ к познанию народной культуры [3].

Заговор есть традиционная ритмически организованная формула, которую человек считал магическим средством достижения различных практических целей [2]. Это один из древнейших фольклорных жанров, поэтому исследование текстов заговоров с лингвистической точки зрения в настоящее время является **актуальной проблемой**, так как выявление культурно-значимых смыслов лексического состава заговоров является одним из условий определения основополагающих установок славянской культуры. Анализ сюжетных решений позволяет выявить и охарактеризовать мировоззренческие доминанты, передаваемые из поколения в поколение и воспроизводящие характерные особенности национального менталитета.

В данной работе качестве **объекта** изучения выступает лингвистическая организация **русских любовных заговоров**. **Предметом** рассмотрения являются лексические, синтаксические и семантические особенности сюжетного построения текстов, что помогает раскрывать языковую и национальную картину мира народа. **Цель работы** – определить сюжетные варианты (далее – сценарии) русского любовного заговора.

Сюжет заговора организуется на действиях определенных персонажей. Для любовного заговора характерен следующий набор семантических ролей: активно действующий субъект (активный персонаж – Pact); лицо, подвергающееся воздействию субъекта (пассивный персонаж – Ppas); персонаж-помощник, который помогает активно действующему субъекту совершить обряд заговора (Padj).

В заговоре также появляются фоновые персонажи: персонаж для сравнения (Pcom) и сопутствующие персонажи. В данной работе они не рассматриваются, так как активных действий для развертывания сюжета заговора они не совершают.

Возможны следующие варианты построения действия в любовных заговорах:

Сценарий 1: Раст + ритуальное действие + обращение к Радj + действие в отношении Ррас + ожидаемый результат после совершения всех действий.

Стану я, благословясь, пойду, перекрестясь, из избы дверьми, из ворот воротами, выйду в чисто поле, в восточную сторону, под красное солнышко. Красное солнышко-батюшка, ходишь высоко, видишь далеко, за высокими горами, за крутыми холмами, за черными грязями. Ты усмотри, угляди раба Божьего (имя), подсеки резвые ноги, опусти белые руки, расстреляй белую грудь, черную печень, кровь горячую, вострые глаза, голову, мозга, напусти на раба Божья дружбу, любовь и сухоту, пусть он сохнет обо мне, рабе Божьей, глядит и глаз не сводит с меня, рабы Божьей [1].

В качестве варианта первого сценария может выступать следующая схема: Раст + ритуальное действие + обращение к Радj + действие в отношении Ррас. Является усеченным вариантом развертывания первого сценария.

Стану раба Марфа, благословясь, пойду, перекрестясь, из двора воротами, выйду на широкую улицу, во чисто поле, в синее море. Тут встретятся буйны ветра, родные братья. Найдите раба Павла, сзади пристречи, спереди догоните, в ретивое сердце, в кровь горячую, найдите раба Божьего Павла, пригожего и хорошего. В парной бане парится или не парится, возьмите за хлебом, за солью, за водой или на дороге, или на пороге, возьмите в чистом поле или в синем море. Вот мои слова – ключи и замок [1].

Сценарий 2: Обращение к Радj + действие в отношении Ррас + ожидаемый результат после совершения всех действий.

Утренняя заря Мария, вечерняя Марианна, сходите высоко, видите далеко! Унесите двенадцать слов могущих, двенадцать слов горящих моему милому (имя) в ретивое сердце, в черную печень, в горячую кровь, в подколенные жилы. Где бы он ни был, вы его зажгите и запалите со всех четырех сторон. Сколько он может жить и быть без хлеба, без соли, и столько без меня, рабы Божьей (имя). Всем моим словам – ключ и замок. Ключ – в море, замок – в роте. Ключика не нахаживати, и замочка не отпирывати, и меня, рабу Божью (имя), не забывати [1].

Сценарий 3: Ритуальное действие + обращение к Радj + действие в отношении Ррас + ожидаемый результат после совершения всех действий.

Стою, благословясь, иду, перекрестясь, из избы дверьми, из ворот в чисто поле. Иду я на волю, на красную зорю. Заря-зарница, красная девица! Разыщи, Зорица, раба Божьего, суженого, чтобы раб Божий, суженый все бы думал о рабе Божией (имя) денно, ночью и полуночно. Где б он ни был – в избе ли, в амбаре, в парной бане, есть бы он – не заедал, пить бы – не запивал, крепким сном не засыпал [1].

Сценарий 4: Раст + ритуальное действие + действие в отношении Радj + сравнение Радj с Ррас + ожидаемый результат после совершения всех действий.

Стану я, раб Божий, благословясь, пойду, перекрестясь, из дверей в двери, из ворот в ворота, выйду я в чистой полё, там встречу мертвое тело и спрошу: «Не болит ли тело, не ломают ли костей?». Это мертвое тело не может жить без земли, а рыба — без воды. Так и рабы Божие Иван да Анна не могут жить друг без друга. Аминь [1].

Сценарий 5: Ритуальное действие + обращение к Радj + функция Радj. Заговор с подобным сценарием встретился лишь один раз.

Стану, благословясь, иду, перекрестясь, из избы дверьми в чисто поле за воротами. В чистом поле стоит Пресвятая соборная апостольская церковь. Среди церкви стоит престол. На престоле сидит сама Пресвятая Богородица. Она делает все полезное. У нее есть доска, а на этой доске – великая тоска [1].

Сценарий 6: Прямое воздействие Раств на Ррас.

Кровь моя, любовь моя, люби меня, как сам себя [1].

Отдельно выделены варианты заговоров, композиционной основой которых является сравнение.

Сценарий 7: Раст + ритуальное действие + обращение к Раdj + сравнение действий Раdj с Ррас + ожидаемый результат.

Встану я. Раба Божья, благословясь, пойду, перекрестясь, из ворот в ворота, пойду я в чисто поле, найду траву-сушеницу. Как эта трава сохнет, так и раб Божий (имя) друг от дружки сохни, не моги ни пить, ни есть, ни ночи спать, ни дня коротать, ни по месяцу, ни по солнышку и ни по ярким и мелким звездочкам... [1]

Сценарий 8: Сравнение кого/чего-либо с Ррас.

Как коровка над ясельком стоит и кормок получает, так чтоб и раб Божий (имя) меня любил [1].

Сценарий 9: Заговоры, направленные на улучшение качеств (внешних) Раств.

Стану я, раба Божья (имя), надевать платок. Прилети, сокол, принеси мне, рабе Божьей (имя), красоты, белизны и любезны, белое тело, черные брови, подколенные тонкие жилы. От 39 девиц и от 39 молодиц, и от 39 молодых [1].

Таким образом, в любовном заговоре реализуются 9 вариантов развертывания любовного заговорного сценария. Полноценным можно считать сценарий, в котором активно действующий субъект выполняет ритуальное действие, обращается к персонажу-помощнику, совершающему определенное действие в отношении пассивного персонажа, и присутствует ожидаемый результат после выполнения всех этих действий. Здесь задействованы все три героя, и у каждого есть определенная функция. У него также есть один вариант исполнения, где отсутствует ожидаемый результат после совершения магических действий. Несмотря на полноценность этого сценария, самым частотным является другой, построенный на сравнении кого / чего-либо с пассивным персонажем. Это обусловлено прагматикой данного сценарного варианта заговора – легкостью и краткостью его произнесения.

Обращение к лицу-помощнику присутствует почти во всех сценариях, кроме тех, где активный персонаж сам выполняет все действия заговора, непосредственно влияя на пассивный персонаж. Исключением является один заговор в сценарии 2, где обращение к помощнику есть, однако он не называется.

В отдельную группу выделены сценарии, в основе которых лежит сравнение. Сравнение можно встретить почти во всех вариантах сценария, однако за основу построения он берется только в сценариях 7, 8 и 9.

Любовные заговоры обычно направлены на вызывание определенных чувств у персонажа, которого хотят присушить, однако встречаются заговоры, направленные на улучшение качеств активного персонажа (как один из способов воздействия на пассивного персонажа). Для исполнения желания Раст обычно прибегает к сравнению, либо к помощи Раdj.

Список литературы

1. Аникин В.П. Русские заговоры и заклинания. М., 1998.
2. Аникин В.П. Русский фольклор М., 1985.
3. Познанский Н.Ф. Заговоры: Опыт исслед. происхождения и развития заговорных формул. М., 1995.
4. Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
5. Толстая С. М. Заговор // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М., 1999.

СЕМАНТИКА СЛОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ВКУС, В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

Бунина И. А., Федотова А. А.

научный руководитель канд. филол. наук, доц. Башкова И. В.

Сибирский федеральный университет

Цель настоящего исследования – рассмотреть прилагательные, обозначающие вкус (*сладкий, соленый, кислый, горький* и их дериваты) в произведениях И. А. Бунина, и выяснить, как эта лексико-семантическая группа связана с авторским миром писателя.

Частотный анализ вкусообозначений в прозе И. А. Бунина, представленной в девятитомном собрании его сочинений [1], показал, что в этой группе слов наиболее употребительной частью речи являются имена прилагательные: 123 слова из 196 (63%). Далее следуют наречия – 60 слов (31%), имена существительные – 12 употреблений (6%). Единоразы встречается причастие.

Наиболее часто употребляемыми являются слова с корнем *слад-*, *слащ-*: 68% от общего числа вкусообозначений. Остальные корни распределились в следующем порядке: *горьк-* 19%, *кисл-* 8%, *солен-* 5%.

В связи с тем, что в исследуемой группе слов прилагательные являются самой употребительной частью речи, именно их мы и будем рассматривать. Здесь слова *сладкий, горький, кислый, соленый* распределились согласно общей тенденции: 68% – *сладкий*, 17% – *соленый*, 8% – *кислый*, 7% – *соленый*.

В нашем докладе подробно проанализируем прилагательное *сладкий*: определим семантику этого слова и ее роль в картине мира писателя.

В толковых словарях русского языка у слова *сладкий* выделяется 11 значений, из них в проанализированной нами прозе И. А. Бунина встречается только четыре. Они распределились следующим образом:

1. Приятный в чувственном отношении (перен.): 22 примера – 27% от общего числа употреблений слова *сладкий*: *Стал погружаться в сладкую дремоту («История с чемоданом»); засыпала сладким сном («Танька»); потонешь вместе со всеми эти образами и ощущениями в сладком и здоровом сне («Антоновские яблоки»).*

2. Нежный, ласкающий (перен., поэт.): 22 примера – 27%: *Только соловей томился своей сладкой песней («Заря всю ночь»); мне никогда не забыть сладкой, деревенской тишины («Тень птицы»); сладкий ветер ходил по каюте («Море богов»).*

3. Имеющий приятный, свойственный сахару, вкус, в противопоставление соленому, кислому, горькому: 5 примеров – 6%: *Красный квас, — крепкий и сладкий-пресладкий («Антоновские яблоки»); выпил несколько стаканчиков горько-сладкой, желто-красной рябиновки («Деревня»); приторно-сладких греческих печений («Тень птицы»).*

4. Преисполненный счастья, радости, счастливый: 5 примеров – 6%: *Дни, полные неопределенных, часто сладких надежд и мечтаний («Без роду-племени»); я вспоминаю каждое мгновение моей жизни: сладкого детства («Смерть пророка»); мимо меня, одиноко сидевшего в сладких мыслях о моей любви к Ней («Прекраснейшая солнца»).*

Таким образом, наиболее активно автор использует переносные значения слова *сладкий*, отсылая читателей к области чувств.

Следующая особенность употребления И. А. Буниным прилагательного *сладкий* заключается в том, что писатель расширяет семантику этого слова, наделяя данное прилагательное значением, не указанным в толковых словарях: *сладкий* обозначает

качество запаха. Данное явление в языкознании получило название синестезия. Это метафора, воздействие которой обусловлено межчувственным переносом. Специфичность синестезии заключается в способности задействовать сразу несколько областей чувств – например, зрение и слух или вкус, обоняние или осязание, плюс другие комбинации. В лингвистике данный термин также обозначает соединение несоединимого [2]. В данном случае мы видим, что слова, имеющие одну модальность восприятия – вкус, заключают в себе другую модальность – запах. Мы выявили 19 примеров употребления слова *сладкий* для характеристики запаха. Это составляет 23% от общего числа употреблений исследуемого прилагательного, что выводит такой лексико-семантический вариант на третье место по частоте употреблений у данного автора. Пр.: *Сладкий* запах дыма и кушаний из кухни, где готовят ужин («Зойка и Валерия»); он приловчился и закурил — *сладкий*, душистый, теплый, человеческий дым папиросы («Таня»); знакомым ароматом каких-то турецких цветов, — прелестным *сладковатым* ароматом (Тень птицы); жаркий воздух синее от едкого и *сладковатого* дыма махорки («Новая дорога»).

Необходимо отметить, что первые три частотных группы в количественном отношении стоят очень близко друг к другу и, в свою очередь, выходят на первый план в использовании у И. А. Бунина – 77% от общего числа употреблений, что в свою очередь, делает эти значения центральным объектом нашего исследования.

Далее обратимся к результатам анализа коннотаций исследуемого прилагательного. Мы выделили три группы оценочных коннотаций: нейтральную, положительную и отрицательную. Если рассматривать распределение коннотаций по группам в целом, вне зависимости от выделяемого значения, то наиболее частотным является нейтральное значение: 44 словоупотребления, что составляет 52% от общего числа. Положительная и отрицательная коннотации распределились примерно поровну: 21 (25%) и 19 (23%) прилагательных соответственно.

Иное ранжирование мы видим, если рассматриваем прилагательное «сладкий» относительно его толкований. Так, в значении квалификации запаха все слова (19) имеют нейтральную коннотацию: *тянуло сладкой свежестью мокрой майской зелени* («Заря всю ночь»); *распространял сладкий церковный запах* («Белая лошадь»), *сладкий запах цветущей ржи* («Часовня»).

В значении «приятный в чувственном отношении» окраска прилагательного изменяется по-другому: большую часть составляет отрицательная коннотация – 12 словоупотреблений (48% от общего числа слов с данным значением), далее располагается положительная коннотация – 8 прилагательных (32%) и замыкает ряд нейтральная – 5 слов (20%): *Изнемогал от сладкой жажды сна* («Ночной разговор»); *сладкие слезы злости сдавили ему горло* («Белая лошадь»); *весь замирает от сладкого ужаса* («Далекое»); *каких-то мучительно-тоскливых и сладких стремлений* («В августе»).

Третье из наиболее частотных значений – «нежный, ласкающий» также имеет иное распределение: нейтральная окраска – 11 прилагательных (50%), положительная – 8 словоупотреблений (36%), отрицательная – 3 слова (14%): *Только соловей томился своей сладкой песней* («Заря всю ночь»); *с сладкой тоской взглядывал на ее левую руку* («Натали»).

Таблица 1 – Количественный анализ коннотаций прилагательного *сладкий*

Коннотация	Общее число		«Запах»		«Приятный в чувственном отношении»		«Нежный, ласкающий»	
	Число	Процент	Число	Процент	Число	Процент	Число	Процент
Нейтральная	44	52%	18	100%	5	20%	11	50%
Положительная	21	25%	0	0	8	32%	8	36%
Отрицательная	19	23%	0	0	12	48%	3	14%

В приведенной выше таблице мы видим, что последнее значение «нежный ласкающий» распределилось согласно общему тренду, имея незначительные отклонения, а значения «запах» и «приятный в чувственном отношении» имеют иное распределение коннотаций. Первое из вышеперечисленных имеет полностью нейтральную коннотацию. Второе значение представлено во всех трех категориях окраски, но, в отличие от остальных, «стандартных», наибольшую часть занимает не нейтральная оценка, а отрицательная. Данные факты могут свидетельствовать об уникальном положении в творчестве автора этих прилагательных.

Особенности использования тех или иных значений необходимо рассмотреть и с точки зрения сочетаемости слов. Совокупность результатов позволит сделать более объективные выводы и точнее отразить картину мира писателя.

Обратимся к примерам, в которых слово *сладкий* характеризует запах: *чад, запах дыма и кушаний, дым папирасы, вонь сигар, воздух цветов и трав, запах цвета груши, цветущей ржи, прошлогоднего дубового листа, дым махорки, свежест мокрой майской зелени, аромат зацветающей ржи, запах лекарств, церковный запах, аромат берегов Турции, турецких цветов, цветы, запах степи, аромат цветущих слив.*

Таким образом, сладкие запахи можно разделить на несколько категорий:

- запахи, связанные с культурой курения, которые, по словам М. В. Одинцовой, являются константами в произведениях И. А. Бунина [3: 20–21];
- запахи, связанные с природой, которые в свою очередь можно подразделить на ароматы периода цветения или увядания, а также условно нейтральные, связанные с изображением какого-либо места;
- запахи, связанные с церковно-религиозной стороной жизни, которые отражают православную сторону жизни русского человека;
- запахи быта (лекарств, еды).

Все категории запахов отражают определенную картину быта, жизни, состояния. Благодаря единству фоновых знаний читателя и писателя создается полный, насыщенный и яркий образ. Отдельно необходимо отметить особенность в описании запахов природы: они всегда точны, подробны, распространены в описании. Например, пахнет не свежестью зелени, а «свежестью мокрой майской зелени».

Таким образом, несмотря на общую нейтральную коннотацию прилагательного *сладкий* в данном значении, разнообразие, разносторонность описываемых запахов позволяет И. А. Бунину использовать широкую палитру оттенков для создания своих образов. Количественный анализ использования языковых единиц показывает, что особенное место в авторской картине мира занимает природа. Автор замечает ее подробнейшие изменения, ему безразличны любые нюансы в проявлениях мира флоры.

Далее перейдем к рассмотрению особенностей употребления слов, связанных с прилагательным *сладкий* в значении «приятный в чувственном отношении». Как было сказано выше, отличительной чертой этого значения является наличие негативной коннотации, что для остальных значений не свойственно.

Обратимся к конкретным примерам, в которых присутствует отрицательная коннотация: (*предсмертное*) *отчаяние, тоска, стремления, ужас* (2 примера), *страх, слезы злости, звуки, муки, трава неразделенной любви, ожесточение.*

Пр.: *Она широко разбросила руки, воскликнула в сладком, как бы предсмертном отчаянии: «Ах!» («Степа»); и понемногу в сердце начинает закрадываться сладкая и странная тоска («Антоновские яблоки»); каких-то мучительно-тоскливых и сладких стремлений («В августе»); мысль о замужестве сладким ужасом, холодом пробежала по всему моему челу («Заря всю ночь»); весь замирает от сладкого ужаса («Далекое»).*

Здесь мы наблюдаем одну из самых ярких отличительных черт творчества И. А. Бунина – приятным в чувственном отношении в его произведениях чаще всего выступают такие несовместимые, на первый взгляд, проявления, как страх, отчаяние, тоска, ужас, злоба, неразделенная любовь, ожесточение. «Темная», негативная сторона жизни завораживает, притягивает героев. Такие оксюморонные сочетания передают противоречивость мира человеческих эмоций. М. Ю. Фиш отмечает использование противоположных, несовместимых по значению слов как характерную черту стиля писателя. Кроме того, включает «вкусовую» лексику в понятие сенсорного кода, который позволяет обнаружить человеческую составляющую на стыке физиологии и культуры. Это приводит нас к тому, что чувственное восприятие пробуждает в человеке ощущение причастности к единому миропорядку [4: 20]. В то же время, задействование оксюморона может свидетельствовать о том, что окружающий мир воспринимается писателем как тайна, как нечто, зачастую необъяснимое логикой, но проявляющееся в чем-то бессознательном (в нашем случае – страшное, негативное, доставляющее чувственное удовольствие).

Оксюморонное восприятие мира проявляется и в некоторых случаях положительной коннотации определения *сладкий*:

«Она (смерть) сладостна так же, как чаша жизни», ««Сон мертвых сладок», — сказал ангел» («Смерть пророка»).

Как видим, в приведенных примерах, наоборот, положительную окраску имеет смерть, что еще раз подтверждает тезис об особенностях стиля писателя.

Таким образом, анализ функционирования прилагательного *сладкий* в произведениях И. А. Бунина позволяет сделать некоторые выводы об особенностях его авторской картины мира. Важнейшее место здесь отводится подробностям чувственного восприятия действительности. Это позволяет писателю создавать яркие образы, погружать читателя в атмосферу произведения, используя всю гамму его чувств. В то же время данный факт свидетельствует о том, что для самого автора «весь окружающий мир существует лишь благодаря тому, что чувственно воспринимаем человеком» [4: 3]. Для И. А. Бунина важно показать полноту мира как в положительном, так и отрицательном ракурсе, как с точки зрения красоты, так и уродства. При этом большое значение имеет тот факт, что часто эти противоположные качества являются неотъемлемым атрибутом друг друга.

Список литературы

1. Бунин И. А. Собр. соч.: в 9 т. / под общ. ред. А. С. Мясникова, Б. С. Рюрикова, А. Т. Твардовского. М.: Художественная литература, 1965–1967.
2. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.
3. Одинцова М. В. Художественно-стилевая роль слов лексико-семантического поля «запах» в произведениях И. А. Бунина: аспекты номинации и предикации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 28 с.
4. Фиш М. Ю. Сенсорные коды поэтики цикла рассказов И. А. Бунина «Темные аллеи»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2009. 23 с.

КУЛЬТУРНО-НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА РУССКИХ И КИТАЙСКИХ СРАВНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ С СОМАТИЗМАМИ

Дун Хайтао

научный руководитель доктор филол. наук, доц. Евсева И.В.

Сибирский федеральный университет

В последнее время во многих областях науки в центре исследований находится человек. Языкознание в этом плане не является исключением, т.к. ориентировано на изучение языка человека. Сегодня язык признается генетическим кодом нации, язык тесно связан с нашей жизнью, нашим бытом и сознанием. В связи с этим, одним из центральных понятий современной психолингвистики является понятие языкового сознания, а одним из центральных вопросов – его национально-культурная специфика. Языковое сознание – это часть сознания, которая обеспечивает механизмы языковой (речевой) деятельности: порождение, восприятие речи и хранения языка в сознании [1].

Сравнение – один из самых древних видов интеллектуальной человеческой деятельности, это один из способов осмысления действительности. При восприятии нового объекта из мира действительного человек изучает его путем сопоставления с уже известными реалиями, выявляя сходства в форме, цвете, функциях и др. признаках.

Теоретическое осмысление устойчивых сравнений началось в России в 60-е годы XX в. На особый тип фразеологических конструкций, в которых внутренняя условность текстового содержания отличается национальной спецификой образа, одним из первых обратил внимание В.В. Виноградов [2]. Сравнение как один из способов восприятия мира рассматривал А.А. Потебня [3], утверждавший, что сам процесс познания есть процесс сравнения.

Целью данной работы явилось рассмотрение национальной специфики русских и китайских сравнительных конструкций для характеристики человека, точнее отдельных частей его тела.

В каждом естественном языке есть некоторый лексический арсенал для описания языка тела, включающий в себя телесные, или соматические, знаки и знаковые выражения. Однако описание знаков этих систем и их функционирование обладают как общими, так и специфическими особенностями в каждом языке. Поэтому исследование культурно-национальной специфики сравнений, используемых для описания частей тела человека в разных языках (в нашем случае – русском и китайском) видится актуальным. Научный интерес к исследованию названий частей тела далеко не случаен. Изучение соматизмов и образованных от них языковых единиц дает нам видение о восприятии носителями языка себя в окружающем мире.

В качестве рабочей гипотезы нами было выдвинуто следующее предположение: в каждом языке существует определенный набор языковых средств, конструкций, предназначенных для сравнительной характеристики человека. Причем конструкции (модели) в разных языках могут быть типизированными, а вот набор языковых средств, наполняющих эти конструкции, в каждом языке будет иметь этнокультурные особенности.

Мы использовали методику направленного ассоциативного эксперимента. Инструкцией, ограничивающей у респондентов (испытуемых) процесс мыслительного поиска при выборе подходящих слов-реакций на слово-стимул (*глаза, лицо, руки и т.д.*), явились сравнительные конструкции *как (будто / словно / похоже на...)*. А именно: каждому россиянину было предложено заполнить анкету из 13 пунктов со сравнительными конструкциями: *глаза как (будто / словно / похоже на...)* *лицо как*

(*будто / словно / похоже на...*), *руки как (будто / словно / похоже на...)* и т.д. Китайцам – *眼睛像.....(一样)*, *脸像.....(一样)*, *手像.....(一样)* [*глаза как... , лицо как... , руки как... и т.д.*]. (В русском языке сравнительные конструкции строятся при помощи следующих союзов: *как, будто, как будто, словно, похож(и) на* и др. В китайском языке сравнительным является союз *как*).

Однотипные реакции рассматривались нами как более или менее типизированные не только для группы испытуемых, но и для языкового коллектива в целом. В ходе эксперимента учитывался пол с целью установить гендерные особенности сравнений.

Испытуемыми были 50 человек в возрасте от 17 до 48 лет – носители русского языка и 50 человек в возрасте от 18 лет до 51 года – носители китайского языка. Обратимся к анализу полученных результатов.

Голова человека – один из важнейших объектов его тела. Поэтому в обеих культурах существует масса специфических сравнений, предназначенных для головы и её отдельных частей. Стоит обратить внимание на специфическое для русских (в отличие от китайцев) сравнение головы с «решетом», подчеркивающее слабую память, что может быть свойственно человеку в определенном возрасте.

Любопытными представляются наблюдения над сравнениями со словом *лицо*. Китайцы используют сравнение с яблоком, имея в виду не только форму – округлость, но и внешний вид, цвет с оттенками красного. Как правило, такие ассоциации направлены на характеристику красивого лица.

Для такой части лица, как лоб и у русских, и у китайцев результаты эксперимента выявили специфические особенности. У русских (в отличие от китайцев) нет сравнений лба с такими предметами быта, как зеркало и лампа. Китайцы сравнивают лоб с зеркалом и с настольной лампой в том случае, когда кожа на лбу склонна к образованию жирного блеска. Специфичным китайским сравнением является конструкция *лоб как звезда Долголетия*. В китайской культуре есть персонаж, которого называют богом долголетия. Он изображается в виде старика с непомерно выпяченным лбом и персиком в руках.

При сопоставлении результатов эксперимента со словом *глаза* специфические для сознания русских объекты сопоставления были следующими: сравнение основывается на таких признаках, как «бездонность», «глубина» (океан), «цвет – голубой» (море), «чистота» (озеро: признак чистоты, прозрачности связывается именно с озером, т.к. в нём, как правило, спокойная вода), в глазах, как в воде, отражается мир. Китайские же респонденты, сравнивая глаза с морем, обращают внимание на признак чистоты. Через глаза отражаются мысли человека. Если они чистые и непорочные, то глаза человека, который так мыслит, могут быть сравнимы с морем.

При анализе результатов эксперимента со словом *брови* интересно отметить специфическое для сознания китайцев сравнение с синевой далёких гор. В китайской культуре только у красавиц брови могут быть сопоставимы с синевой далёких гор.

Результаты эксперимента со словом *губы* показали следующие примечательные особенности в различии сознания русских и китайцев. Носители русского языка, в отличие от китайских респондентов, применительно к слову «губы» обычно не используют сравнительных конструкций, в основе которых наименование насекомого (ср. с китайским сравнением: *губы как «крылья цикады»*).

При сопоставлении результатов эксперимента со словом *подбородок* специфические черты сознания русских и китайцев нами были выделены следующие. Китайцы сравнивают подбородок с яшмовым блюдом, с жемчугом, с изделиями из металла и т.п. Эти сравнения подчеркивают такой признак подбородка как гладкость. Сравните противоположное по смыслу выражение, полученное от русских

респондентов, *словно рыба чешуя, как многолетний таёжный пень*, в которых заключен признак шероховатости, неровности морщинистости подбородка. Специфична конструкция, сравнивающая подбородок со статуей: для россиян подобное сравнение демонстрирует такой признак качества, как неподвижность, безжизненность, отсутствие эмоциональности, китайцы же в сравнение подбородка со статуей вкладывают признак красоты, идеальной формы для рассматриваемой части тела.

Целый ряд специфических сравнений представили и российские, и китайские респонденты с соматизмом «рот». Так, китайцы сравнивают рот с карманом, так говорят о человеке, который все подряд отправляет в рот. Сравнение «рот как пулемет» связано со скоростью речи. Российские респонденты не указали на сравнение рта с пулеметом, хотя в русском языке есть сравнительный оборот *строчит как из пулемета*. И сравнение рта с *хитрой змеей* россиянами направлено на характеристику хитрого человека, который часто обманывает окружающих. В китайском языке подобных конструкций нами не обнаружено. Специфична конструкция, сравнивающая рот с ножом, полученная и от китайских, и от российских респондентов: россияне так говорят о вредном, злом человеке (скорее всего, подобная реакция связана с ассоциацией не столько рта, сколько языка с ножом (ср. с оборотом русского языка *язык режет*) при подчеркивании речевого качества говорящего). Китайцы же в сравнение рта с ножом вкладывают прямолинейность, честность человека.

Интересно отметить специфическое китайское сравнение для соматизма «руки». Для носителей китайской культуры характерно сравнение *рук* с зонтиком. В Китае руки родителей воспринимаются как некая защита, руками родители закрывают голову ребенка и прижимают его к себе, зонт тоже является символом защиты от природных воздействий – палящего солнца, дождя, ветра.

Своя специфика наблюдается у представителей России и Китая при подборе сравнений к соматизму «палец». Китайцы используют сравнение с луком порей, поскольку именно с этим объектом сравниваются пальцы красавиц в китайской культуре. Узкая и вытянутая форма стеблей порея позволяет провести подобное сравнение. Русские респонденты сравнивают палец с палочкой и с сосиской, имея в виду его толщину и некрасивость, отсутствие изящества.

Традиции китайской культуры являются источником сравнения *ноги как золотой лотос в три цуня* (так говорят о маленьких ножках женщины, ступни которой загнули при рождении, чтобы они не росли. Это делали с начала X до начала XX века).

Таким образом, исходя из проведенного нами эксперимента, можно сделать вывод, что в русском и китайском языках, действительно существует определенный набор языковых средств и конструкций, предназначенных для характеристики человека. Многие из таких конструкций являются типизированными, что говорит о схожем восприятии мира россиянами и китайцами. В то же время нами были обнаружены специфические сравнения, свойственные конкретному языку и, как следствие, конкретной культуре. Данное обстоятельство подчеркивает этнические особенности восприятия представителей разных культур.

Список литературы

1. Тарасов Е.Ф. Язык как средство трансляции культуры: сб. науч. тр. М.: Наука, 2000. 311 с.
2. Виноградов В.В. О взаимодействии лексико-семантических уровней с грамматическими в структуре языка // Мысли о современном русском языке. М., 1969.
3. Потемня А.А. Из лекций по теории словесности. Лекция восьмая // Русская словесность: Антология. М., 1997.

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ РУССКИХ И ТАТАР КАК ГИПЕРЖАНР

Илюшина С. В., Тазутдинова З. Р., Сурничева М. Л
научный руководитель канд. филол. наук, доц. Веккесер М. В.
Сибирского федерального университета

Под речевыми жанрами понимаются исторически сложившиеся в определенной сфере общения относительно устойчивые модели высказываний, обеспечивающие социальное взаимодействие людей в типичных ситуациях общения [2]. В лингвистической литературе жанр определяется как «установка на определенный тип, способ изображения, характер и масштаб обобщений, вид подходов, отношений к действительности» [4]. В.В. Одинцов определяет жанр как «вид текста, характеризующийся единством конструктивного принципа, своеобразием композиции и использованием стилистических приемов» [5].

В данной статье для номинации «свадьба» мы используем дефиницию «гипержанр». Это родовое название для независимо существующих жанров. В.В. Дементьев под гипержанром понимает совокупность различных по форме жанров речи, объединенных воедино интенцией [1]. Гипержанр охватывает жанровое макрообразование, которое сопровождает социально-коммуникативные ситуации и объединяет в своем составе несколько жанров [6]. Б.Я. Шарифуллин гипержанр определяет как многокомпонентное речевое событие, развертывающееся по определенному достаточно стереотипному сценарию [3].

Свадебные обряды как составная часть обычаев и традиций связаны с психологией народа, с его социальной практикой, поэтическим творчеством. Во время исполнения свадебных ритуалов закреплялись определенные нормы и правила поведения.

Рассмотрим гипержанр русской свадьбы. Русская свадьба – форма заключения брака, ритуал общественно-религиозного санкционирования создания семьи. Свадьба представляла собой комплекс обрядов, совершавшихся в определенной последовательности по установленному традицией сценарию. Главными обрядами русской свадьбы были сватовство, сговор, девичник, венчание, брачная ночь, свадебный пир [7]. Являясь частью народной культуры, она объединила в себе элементы словесно-поэтического, музыкального, хореографического и драматического искусств [9]. Выделяют несколько этапов проведения русской свадьбы [8]: 1) сватовство; 2) подготовка к свадьбе; 3) девичник и мальчишник; 4) регистрация; 5) банкет.

Далее представим гипержанр татарской свадьбы. На развитие свадебных традиций большое влияние оказали исторические события, которые происходили на землях, населенных татарами. Тем не менее, можно проследить общие закономерности в обрядах, невзирая на то, что названия их порой отличаются. Основное различие заключается в обряде бракосочетания по религиозным канонам: у татар, исповедующих ислам, это проводимый в домашних условиях никах, а у татар-христиан – венчание в церкви [10]. Никахпохожа обряд русского православного венчания. Жених и невеста предстают перед муллой, который даёт им духовные и практические наставления. До прохождения этого обряда жених не имеет права оставаться с невестой наедине. После совершения никаха молодые и гости идут в брачный домик, где совершается обряд освещения брачной постели. Каждый из гостей должен коснуться перины и бросить несколько монет в приготовленное блюдо. После ухода гостей в домике остаётся

невеста и одна из её пожилых родственниц, которая учит девушку, как нужно принимать жениха.

Другая традиция татарской свадьбы – выкуп невесты. В отличие от символического русского татарский выкуп «калым» – настоящий. Но основным празднеством свадьбы является банкет, на который приглашают огромное число гостей. Хозяин дома знакомит гостей другу с другом, после чего они сообща выбирают тамаду – самого остроумного и весёлого человека.

Итак, несмотря на то, что традиции татарской свадьбы во многом схожи с русской, не следует забывать, что татары – мусульманский народ. Религия наложила отпечаток на обряды татарской свадьбы. Во главе угла традиционной русской свадьбы всегда стоял в первую очередь обряд сватовства. Но в современном понимании «сватовство» чаще всего означает знакомство родителей жениха и невесты – встречу, на которой «противоположные» стороны присматриваются друг к другу. У татар обычай сватовства сохранился до наших дней. Семья жениха делает предложение родителям невесты, иногда с помощью свахи, затем следует помолвка. Также у русских и татар отличается церемония выкупа. В татарской культуре выкуп невесты представляет собой большую сумму денег и драгоценностей, домашний скот, постельные принадлежности, ковры, кухонную утварь. По русским традициям, в обряде выкупа невесты отсутствует понятие калым. В день свадьбы за невесту требуют выкуп по заранее придуманному весёлому сценарию. У русских за невестой приезжает жених, а у татар родственники невесты приезжают и «забирают» жениха. Таким образом, в общих чертах татарская свадьба во многом похожа на русскую, но религия придаёт ей оригинальный и таинственный колорит.

Список литературы

1. Дементьев В.В., Седов К.Ф. Социопрагматический аспект теории речевых жанров. – Саратов: Изд-во Саратов. пед. ин-та, 1998. – С.107
2. Тюкаева Н.И. Граффити как жанр естественной письменной русской речи: автореф. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2005. – С.18
3. Шарифуллин Б.Я. Гипержанры и гипержанровые сценарии в вербальной и невербальной коммуникации // Грани познания. – 2014. – №1. – С.18-21.
4. Вакуров В.Н., Кохтев Н.Н., Солганик Г.Я. Стилистика газетных жанров, 1978.–М.: Высш. школа. –С.183
5. Одинцов В.В. Стилистика текста. – М.: Наука, 1980. – С.263
6. Дементьев В.В. Изучение речевых жанров в России: аспект формализации социального взаимодействия // Антология речевых жанров. – М.: Лабиринт, 2007. – С. 39-61.
7. Русская свадьба [электронный ресурс]. Режим доступа: http://traditio.wiki/Русская_свадьба
8. Свадьба в русском стиле [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rusvesta.ru/planirovanie/scenarij/russkaya-svadba.html>
9. Татарская свадьба – торжество древних традиций [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://otprazdnuem.com/prazdnik-s-druzyami/tatarskaya-svad-ba-torzhestvo-drevnih-tradicij.html>
10. Современная татарская свадьба: традиции, обычаи и обряды [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.conferancie.ru/sovietys/sovremennaya-tatarskaya-svadba-tradicii-obychai-i-obryady>

РИТОРИЧЕСКИЕ ПРИЁМЫ СОЗДАНИЯ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ В РАССКАЗЕ «ЗОЙКА И ВАЛЕРИЯ» И. А. БУНИНА

Киселева С. С.

научный руководитель канд. филол. наук Кузнецова А. А.

Сибирский федеральный университет

Настоящая статья посвящена риторическим приёмам создания женских образов в рассказе «Зойка и Валерия» И. А. Бунина, а также особенностям их функционирования. На наш взгляд, анализ средств, способствующих созданию женских образов, позволяет более глубоко понять смысл данного художественного произведения.

Значительная роль в создании образности в рассказе И. А. Бунина «Зойка и Валерия» принадлежит тропам. Функционирование тропов в данном произведении связано с созданием основных компонентов образности текста, среди которых наиболее широко представлены средства создания портретных характеристик женских персонажей и, конечно, средства описания чувств главных героинь.

В рассказе И. А. Бунина «Зойка и Валерия» портретное описание является одним из самых распространенных в характеристике героинь указанного художественного произведения. Эта характеристика как собственно внешняя, так и психологическая.

Представим сначала портретное описание Зойки.

Тропеические средства создания образа Зойки, обнаруженные нами в тексте произведения, отличаются большим разнообразием.

Наиболее частотны в создании художественного образа Зойки **эпитеты**, которые выполняют образную и оценочную функции. Рассмотрим особенности употребления эпитетов. В характеристике Зойки мы встречаемся со следующими эпитетами: «*очень полная*», «*крутолоба*», «*маслянистых синих глаз*», «*влажные губы*», «*орехом переливающихся волосах*». С помощью них создаётся художественный образ, рисуется портрет героини. Эпитеты: «*беспечно безделье*», «*наивно-радостный*», «*невинно*», «*ребячески*», «*молодой блеск*», «*по-детски*», – указывают на то, что главная героиня – ребёнок. Здесь мы также имеем дело с функцией образности. С помощью эпитета «*раскосившимися глазами*» автор передаёт эмоциональное состояние героини.

Ярко выражена и эмоциональная оценка повествователя (возможно, Левицкого) в эпитетах «*нежны*» и «*ласкова*». Это слова с положительной коннотацией. Они показывают тёплое отношение и нежную любовь к героине.

При помощи таких эпитетов, как «*втайне*», «*тайком*» создаётся ореол тайны вокруг Зойки, это «детские» секреты; эпитет «*страшный*» к слову «секрет» подчёркивает ироничное отношение автора к информации, которую хочет передать девушка («*втайне шепотом сказала ему под страшным секретом*», «она *тайком* вела некоторую охоту»).

Эпитет «*страшно*» употребляется неоднократно в значении «очень» или «глубокий, сокровенный». Это приближает речь Зойки к просторечной речи: так обычно говорят дети («под *страшным* секретом», «за это *страшный* секрет», «*страшно* интересно», «мне *страшно* больно», «*страшно* оскорбительно»).

Как видим, для создания образа Зойки автор использует разнообразную палитру эпитетов: и с положительной, и с отрицательной коннотацией. Героиня предстаёт перед читателем испуганной или восторженной, весёлой, беспечной, говорливой или молчаливой – она обуреваема различными эмоциями и свободна в их проявлении. В

целом, данные эпитеты являются одним из средств создания портретной характеристики героини и служат идейно-образной конкретизации художественного произведения.

Изобразительности в исследуемом нами тексте служат и **метафоры**. Так, развернутая метафора «Зойка тайком *вела некоторую охоту*» (на Левицкого) делает образ колоритным, добавляет новые оттенки характера героини, воздействуя на воображение читателя. Здесь происходит перенос по типу: «животное» – «человек», Зойка уподобляется хищному зверю, а Левицкий – жертве. Ещё одна метафора «*блестя глазами и слезами*» создаёт особенный образ очаровательной девушки, делает его более ярким и наглядным.

Наряду с тропеическими средствами, используются и нетропеические. Так, **антитеза** употребляется с целью проиллюстрировать противоречивый и беспокойный характер героини. В характере Зойки противопоставлены шум и тишина («с криком кидалась», «тихо и пронзительно вскрикнула»), противоречивые чувства («верила и не верила»), черты девочки и женщины («по-детски» – «томно», «грациозна», «казалась соблазнительной»). Наиболее яркая антитеза «Кидалась *целовать* ее, но так *ненавидела*» показывает несоответствие испытываемых эмоций героини и её внешнего поведения.

Обилие **риторических восклицаний** в речи Зойки демонстрирует её живой, восторженный характер, помогает передать её настроение: «... мама влюблена в молодого доктора Титова! Маме сорок лет, но ведь она стройна, как барышня, и страшно моложава, и оба они, и мама и доктор, такие красивые и высокие ростом!..».

Помимо частого использования восклицательных конструкций, речь Зойки насыщена **лексическим повтором**: «- А вот увидите! Только сначала поцелуйте меня за это - *непреренно!*<...>*Надо, надо, непременно!*», «*Посмотрите, посмотрите скорее!*», «*Обманула, обманула, обманула!*», «*Миленький, миленький, миленький!*», «*Подуйте, подуйте!*».

Характерно также использование такой разновидности позиционного лексического повтора, как **эпифора**: «Титов дал ей *отставку! Полную отставку!*». Лексический повтор выполняет функцию выражения многократности, нарастания, демонстрации повышенной эмоциональности Зойки, произносящей эту фразу.

С помощью такого стилистического приёма, как **плеоназм** («мама и доктор, такие красивые и *высокие ростом!*») подчёркивается неправильность речи Зойки. Использование неоправданного многословия способствует усилению оценки героини.

Риторические вопросы в речи героини указывают на её пытливость, детскую наивность: «А вы привезли с собой сафьянные сапожки и плахту? Вы наденете их? Вы позволите называть вас Валечкой?», «Было страшно интересно: целовалась она с Левицким до своей влюбленности в Титова или нет?», «Что там? Кровь?». В данном контексте вопросы выполняют не только свою прямую, то есть собственно вопросительную функцию (функцию запроса информации), но и эмоциональную. Здесь вопросительные предложения интонационно близки к побудительным.

Среди паралогических риторических приёмов в рассказе «Зойка и Валерия» можно выделить перкурсию и синкретичный приём оксюморон (он является и стилистическим, и паралогическим риторическим приёмом).

Перкурсия «А вы привезли с собой сафьянные сапожки и плахту? Вы наденете их? Вы позволите называть вас Валечкой?» выполняет изобразительную функцию. С помощью данного приёма создаётся эффект быстрого перехода от одного предмета к другому.

Оксюморон использован при описании переживаемых Зойкой противоречивых чувств: «ждала *радостной вести* из больницы *о ее смерти*». Словосочетание

«радостная весть» предполагает какое-то счастливое событие, приятный исход. Поэтому становится неожиданным и нелогичным факт ожидания смерти. Также оксюморон иллюстрирует некоторую неправильность употребления слов Зойкой.

Далее обратимся к портретному описанию Валерии.

Для создания портретной характеристики героини автор использует следующие **эпитеты**: «*настоящая красавица*», «*очень хороша: крепкая, ладная*», «*с грозными глазами*», «*горячим темным румянцем на загорелом лице*», «*с ярким блеском зубов и полными вишневыми губами*».

Такие эпитеты, как: «*непонятной*», «*удивительно*», «*неожиданно*», «*широко*», «*жутко*», «*стремительно*», «*еще крепче*», «*скоро и безжалостно приблизила*», «*редким и всегда неожиданным счастьем*», «*случайно*», «*неумеренной простотой*», «*особенно незначительное*», – выражают оценку и чувства автора и героев произведения.

Эпитеты: «*повелительно*», «*с грозными глазами*», «*вид имела брезгливый*», «*неестественно и зло смеялась*», «*бешено*», «*порывисто*», «*резко и гадливо*», – указывают на особенности характера героини, на её настроение, душевное состояние.

Образ Валерии показывается автором и через **сравнения**: «*руки, точно слегка прокопчённые*», «*она прямо наяда*», «*как подстреленная, несётся вниз*». Эти немногочисленные примеры использования сравнений характеризуются прямоотой, чёткостью и недвусмысленностью.

Метафоры И. А. Бунина отличаются яркой образностью. Например, в тексте встречаются генетивные метафоры: «*бархатистость вишнёвых губ*», глаза «*цвета черной крови*». Метафора выполняет в данном случае экспрессивную (в частности образную), смыслообразующую и эстетическую функции.

Среди нетропеических средств ярко выраженными в анализируемом художественном тексте являются антитеза и восклицания.

Так, **антитезы**: «*то очень много говорила, то неожиданно смолкала*», «говорила ему то "*ты*", то "*вы*"», – свидетельствуют о неустойчивом характере героини, её переменчивом настроении.

Восхищение автора и героя Валерией передано через ряд **восклицательных предложений**: «*А какие плечи! И как сквозили на них под тонкой белой блузкой шелковые розовые ленточки, державшие сорочку!*». Восклицательный характер предложения усиливает также побуждение и неколебимость высказывания: «*Не смей, гадкая девчонка, лазить по коленям мужчин!*», «*Тетя одна чистит вишни, извольте идти помогать ей!*». А вопрос «*Что это вы бродите по ночам?*» звучит как упрек в отличие от наивных Зойкиных вопросов.

Наряду со стилистическими риторическими приемами, в тексте анализируемого рассказа используется и синкретичный риторический прием оксюморон (и паралогический, и стилистический риторический прием). Так, в описании Валерии Гришкой используется **оксюморон**: ребёнок называет девушку «*страшно красивой*». В данном случае роль оксюморона типична: приём помогает передать сложную природу объекта изображения: красота Валерии представляется страшной, демонической (вспомним эпитет «*грозные глаза*» и сравнение «*руки, точно прокопчённые*»). Таким образом, оксюморон «*страшно красивая*» не случаен. Кроме того, оксюморон способствует выражению авторской оценки.

При описании Валерии мы встречаем пример **катахрезы** как разновидности параонтологического риторического приёма: глаза «*цвета черной крови*». Использовано необычное наименование: не точное, а ближайшее обозначение цвета. Так, углубляется, становится выразительнее цвет глаз, в большей степени

характеризуется характер героини, даётся наиболее яркий образ, что в конечном итоге поэтизирует прозу.

В финале произведения создаётся впечатление недоговорённости, тайны, невольно становятся слышны паузы, которые характерны для устной речи, что является свидетельством функционирования параэтологического риторического приёма. Вследствие этого ситуация приближается к реальности, иллюстрируется разговорная речь с её особенностями. Автор использует приём **умолчания**: «Пройдемся...». «Молчи...». «Поцелуй меня тут в последний раз...». Здесь демонстрируется характер героини: её задумчивость, грусть, нерасположенность к разговору. Таким образом, параэтологический приём выполняет изобразительную, эмоционально-оценочную функции.

Итак, функциональный анализ рассказа И. А. Бунина «Зойка и Валерия» выявил использование И. А. Буниным стилистических, паралогических, параэтологических и параонтологических риторических приёмов. В проанализированном тексте перечисленные типы риторических приёмов выполняют экспрессивную (в первую очередь образную) функцию.

Автор пользуется широким арсеналом средств создания женских образов и применяет в их характеристике такие приёмы, как оксюморон, катахреза, перкурсия и умолчание. В большей степени в тексте функционируют стилистические риторические приёмы, с помощью которых писателю удаётся создать яркий и глубокий по содержанию образ. Среди стилистических приёмов широко представлены различные тропы (эпитет, метафора, сравнение) и стилистические фигуры (антитеза, риторические вопросы, риторические восклицания, лексический повтор). Наиболее частотное использование эпитета как основного средства создания красочного и правдоподобного образа. Использование И. А. Буниным эпитетов позволяет создать многоплановое изображение объекта.

Менее широко в произведении представлены случаи паралогических приёмов.

Несмотря на необычность и образность лексики, наличие редких оригинальных примеров использования риторических приёмов, язык И. А. Бунина прост и понятен читателю. В сознании каждого возникает яркий образ, формируется ассоциативный ряд. Героини, их внешность и внутренний мир соотносятся с предметами и явлениями окружающего мира, и потому читателю близки те переживания и чувства, которые испытывают герои рассказа. Перед нами открывается яркий, осязаемый мир, образы героев предстают перед нами как живые, знакомые.

Список литературы

1. Бунин И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 6 т. [Электронный ресурс]. URL: <http://ruslit.raumlibrary.net/page/bunin-ss06-05.html>. – (Дата обращения: 22.03.15).
2. Емельянова О.Н. Тропы // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 759-760.
3. Хлепотько А. С. Вопросительное предложение и его функции в речи: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05. М., 2008. 183 с.
4. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты / под ред. А. П. Сковородникова. М.: Флинта: Наука, 2009. 825 с.

РЕГИОНАЛЬНАЯ САМОИНДЕТИФИКАЦИЯ АВТОРА В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Колпакова П.П., Скрупская А.В., Черноусова К.С.
научный руководитель канд. филол. наук, доц. Веккесер М. В.
Сибирский федеральный университет

Сфера региональных исследований за последнее время заметно расширилась. В поле изучаемых объектов содержится не только диалектные единицы, лексика городов, но и поэтические тексты, которые обладают региональными чертами и воспринимаются жителями Красноярского края как часть культуры этого края. Последний из названных аспектов изучен в наименьшей степени. В связи с этим актуальным становится рассмотрение произведений писателей Красноярского края в аспекте проявления в них черт региональной идентичности авторов. Целью нашего исследования является выявление лингвистических средств выражения региональной самоиндетификации автора в тексте. Объектом выступает самоиндетификация автора в региональном поэтическом тексте, а предметом – вербальные способы выражения региональной самоиндетификации [2, с. 120].

В настоящее время данная область исследований энергично развивается. Наряду с понятием национальной идентичности, исследуется региональная идентичность, которую рассматривают как часть социальной идентичности личности, однако в лингвистике данный объект находится на начальной стадии изучения. Региональный язык рассматривается как система всех языковых и речевых механизмов, обеспечивающих региональную идентичность авторов поэтических текстов [1, с. 169].

На основе результатов анализа языка поэтических текстов поэтов Красноярского края нами было установлено, что основными способами выражения региональной специфики в их творчестве являются следующие: 1) локализация пространства средствами языка и речи; 2) выражение принадлежности к данному региону; 3) использование единиц региональной прецедентности; 4) реализация лингво - культурологической оппозиции «свой – чужой» средствами языка и речи. Остановимся подробнее на каждом из названных способов [2, с. 171].

1. Локализация пространства. Данный способ основывается на механизмах семантического «сужения» лингвистических единиц, актуализирующих значимые смыслы текста. Под семантическим сужением понимают процесс «уменьшения семантического объема понятия в процессе исторического развития или в контексте речевого употребления». В изучаемых поэтических текстах сужение достигается за счет описания природы Красноярского края. Примеры: *Не знает, что здесь **Ангара** круглый год в одних берегах с **Енисеем** течет / Когда-то давно здесь деревня была, река **Маклаковка** спокойно текла* (В.Ф. Серков); *Он построен в **сосновом бору*** (В.В. Морозов); *И встречаются **сосны на опушке** / **Кедры** прозвенели свои мотивы* (В.В. Лендель); *В **краю черемухи душистой*** (Е.И. Левента) [5, с. 65-216].

2. Выражение принадлежности к данному региону. В изучаемых поэтических текстах сужение достигается за счет использования дейктических знаков – указателей, конкретизирующих значение слов и выражений, к которым они относятся. Часто для этих целей используются местоименные дейктики – указательные, относительные, притяжательные местоимения. Например: ***Мой** город любимый, **мой** Лесосибирск / **Мой** город любимый живет и растет / **Наши** край – от могучих Саян до Таймыра / Отмечен **мой** город, тайгою рожденный / Город заснеженный **мой**... / В этом городе все настоящее / "**Ты- мой** берег, **мой** дом, **моя** жизнь / **Моя** Сибирь, **моя** земля* (Н.Бирюк);

Мой новый город зародился (В.Н. Соловецкая); *Те берега, где мы встречались / И та река, где мы купались* (В.В. Лендель)[6, с. 125-250].

3. Использование единиц региональной прецедентности. Ю.Н. Караулов определяет прецедентные тексты как тексты, значимые для личности в познавательном и эмоциональном отношении, имеющие сверхличностный характер. В качестве прецедентных единиц наименования используются обозначения региональных святынь и исторических объектов, название городов [3]. Например: *Енисейск – это маленький город* (В.И. Ивченко); *У города все впереди, а пока повсюду известны его ЛДК / Но планы есть, и есть надежда: вновь возродиться Енисейск* (В.Ф.Серков); *Лесосибирск, родной наш город, на реке Енисее стоит/ Есть у нас златоглавый собор – величавый и строгий собою* (В.В.Морозов) [6, с. 205-300].

4. Реализация лингво-культурологической оппозиции «свой – чужой» средствами языка и речи. Данный способ, основанный на оппозиции универсальных амбивалентных концептов «свой» и «чужой», в региональных поэтических произведениях отличается явным доминированием компонента «свой»[4, с. 558]. Например: *Из родной сторонки/ Земли родной. Да свет родного дома* (В.В. Лендель); *Но сердце не покинет никогда тепло родного нам Лесосибирска* (В.И. Ивченко); *Приеду в родные края* (Н. Бирюк); *Пряный запах чужбины и моря* (Д. Глухов)[5, с. 158-256].

Посредством отбора и актуализации специальных средств языка авторы поэтических текстов идентифицируют себя с регионом: показывают знание реалий, названий, образов, известных жителям Красноярского края и людям, которые по данным знакам могут воссоздать специфические черты регионального пространства. Данный анализ позволяет сделать вывод, что целью употребления авторами средств «регионального языка» в поэтических текстах является стремление показать принадлежности к географическому или культурному пространству Красноярского края, желание выразить свое отношение к этой земле, к жителям этого края и местности. Систему всех языковых и речевых механизмов, обеспечивающих региональную идентичность авторов художественных текстов, можно рассматривать как региональный языковой код, служащий активизации региональной картины мира носителей русского языка.

Список литературы

1. Баскакова В.П. Лингвистические средства выражения региональной самоидентификации автора в тексте // Вестн. гос. ун-та. Сер. 2, Языкозн. – Волгоград, 2012. – № 1 (15). – С. 169 – 172.
2. Голикова Т.А. Сущность регионального языка (этнопсихоллингвистический аспект) // Наука, культура, образование. – Горно- Алтайск, 2000. – № 4/5. – С. 117–120.
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 264 с.
4. Розенталь Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М.: Просвещение, 1976. – С. 475–476.
5. Радуга. Художественно-публицистический альманах Лесосибирского городского литературного клуба. №1. – Лесосибирск, 2011. – 328 с.
6. Радуга. Художественно-публицистический альманах Лесосибирского городского народного литературного клуба. №3. – Лесосибирск, 2015. – 330с.

**ЯЗЫКОВАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ ПРОШЛОГО В МЕМОРАТАХ
СТАРОЖИЛОВ НИЖНЕГО ПРИАНГАРЬЯ****Корнилина Ю.С.****научный руководитель д-р филол. наук, проф. Фельде О.В.***Сибирский федеральный университет*

Как известно, лингвистика как наука находится в постоянном развитии, исследуя с каждым годом все более широкий спектр проблем и явлений языковой действительности. Одной из приоритетных задач лингвистики сегодня является изучение устных диалектных текстов, полученных в ходе беседы непосредственно с диалектоносителями. Исследовательской деятельностью в этом направлении занимаются диалектологи ИРЯз им. Виноградова РАН, Саратовской и Томской диалектологической школы. Несмотря на заметные результаты, в настоящее время неисследованным остается огромный массив территории Урала, Дальнего Востока и Сибири. Приоритетными задачами для коммуникативной диалектологии сегодня является работа именно в этих направлениях. Для нашей работы материалом послужили устные тексты, собранные студентами Сибирского федерального университета в г. Козьмодемьянске и с. Заледеево в ходе диалектологической практики 2015г.

Особенности устного диалектного текста исследуются во множестве аспектов и направлениях. Учеными рассматривается этот феномен с разных точек зрения: семантической, синтаксической, коммуникативной, лингвокультурологической, лингвоперсонологической, а также дискурсивной. В рамках диалектного дискурса продуцируются тексты, которые исследователи в настоящее время чаще всего квалифицируют как реализацию жанров воспоминания и автобиографического рассказа. Попытки обозначить данное явление определенным термином предпринимались многими учеными, однако мы, вслед за И.А. Головановым, обозначаем такие устные рассказы-воспоминания, воспроизводящие личные впечатления о событиях, участником или очевидцем которых был рассказчик, термином меморат [Голованов 2013, с. 90]. Данный жанр актуализирует в себе вербализацию прошлого опыта, является не только важнейшим компонентом речевого диалектного общения, но и средством сохранения и передачи наиболее значимой в когнитивном, культурном, эстетическом и социальном отношении информации.

Устный диалектный текст важен в плане актуализации категории темпоральности как одной из важнейших категорий, организующих языковое пространство, языковую картину мира. Как отмечают исследователи, развертывание авторского замысла в диалектном дискурсе связывается говорящим с категорией темпоральности как некой отправной или конечной точкой отсчета всего происходящего в окружающем человека мире. По мнению И.А. Голованова поводом к меморату обычно становится рассказ из далекого прошлого, который притягивает остальные впечатления, хранящиеся в памяти рассказчика [Голованов 2013, с.91]. Прошлое интересует исследователей как область отражения пережитого опыта, поэтому в приоритете для исследователей остается задача изучения семантической, тематической, структурной организации устных меморатов сквозь призму прошлого. Для нашей работы актуальным является тематический анализ, и вслед за Ю.В. Косицыной мы понимаем термин «тематическая структура» как обусловленная фокализацией совокупность выраженных средствами языка объектов действительности (денотатов) в определенной иерархии [Косицына, 2013, с. 45].

В текстотеке Ангарского словаря, хранящейся на кафедре русского языка, литературы и речевой коммуникации ИФиЯК, имеется множество рассказов о

прошлом. Это мемуары о молодости, жизни во время войны, судьбах близких и т.д. Тексты являются информативными для исследования темпоральных средств в ангарских говорах.

Задачей настоящей работы является выявление и анализ языковых средств, которые использует говорящий при описании событий, связанных с прошлым.

С.М. Белякова справедливо отмечает, что языковая экспликация прошлого в мемуарах выражается на двух уровнях: смысловом и грамматическом [Белякова 2005, с. 75].

1. Смысловый уровень включает в себя точную временную характеристику-информант отсылает нас в повествовании к конкретным датам в прошлом: *Молодых всех в сорок первом году забрали, мы остались ешо, молодых увезли – там остались. В сорок втором году опять забрали.* (Кеж.: Козинск) *У меня брата взяли в сорок первом – с двадцать первого года, а потом и младшего- ему дали с двадцать пятого года в сорок втором.* (Кеж.: Козинск), а также указание на прошлое вообще (неопределенное). Основной языковой маркер- наречие *давно*. Например: *Ой, давно это было, я уж и не помню...не было дезертиров...*(Кеж.: Козинск) *Праздники? О-оу, к праздникам-то гото-овились, гото-овились. В избе мелешь всё. Стирали половики, всё. Особенно к Пасхе ко Христовой – всё! Но ток это давным –давно было, сейчас-то уж такого нет...*(Кеж.: Заледеево) *А рыбы скока погибало. Много, ой, много. москитов травили... стали травить, дак рыбы сплошь давным-давно было.* (Кеж.: Заледеево)

2. Грамматический уровень включает в себя:

а) грамматические средства, выраженные с помощью глагольных форм предиката *быть*. Например: *Нам некогда было бегать. Надо было мамя помогать.* (Кеж.: Козинск) *А люди-то хорошие были. Люди-то очень хорошие были.* (Кеж.: Заледеево) *А они чё... нормальные были. Как-то вот один к Пушкину вот ходил: не помянуть было добром!* (Кеж.: Козинск). : *Были, были. Но их не так много. Но были. Их я тоже немного помню. Когда война началась, мне было восемь лет, и потом.. ну где-то их в это время.. наверно их попозднее что-ли их..*(Кеж.: Козинск) *У мня брат был, ходил, и вот он пришёл с армии, пришел и мы счастливы были, девочки, ой счастливы!* (Кеж.: Козинск) *Мы приехали – у нас много старух было. Тама хорошо было – все, бл*ть, умерли. Все умерли, старухи-то.* (Кеж.: Заледеево)

б) План прошлого даже в одном небольшом фрагменте диалектного текста активно выражается на лексическом уровне с помощью наречий с временной семантикой *сейчас*, *как-то*, *раньше* (*ранешно*), *тогда*. Например: *Уй, там много привозных каких-то. Раньше много сосланных было.* (Кеж.: Заледеево) *Женищина померла у нас как-то.. ну скорбно провожают, наши не поют на свадьбах, нет.* (Кеж.: Заледеево) *А раньше всё было: налим, окунь, щука, елец, сорога. Потом что ещё: стерлядь, осетры – это всё...*(Кеж.: Козинск) *Дру-ужно было. Ранешно как было, весело было.* (Кеж.: Заледеево) Данные слова обладают широким семантическим объемом- указание на прошлое вообще. Также встречается намеренное использование данных лексем с особой коммуникативной целью: как правило, они относятся к другому жизненному укладу, который сопоставляется с существующим в настоящее время. Об этом свидетельствуют следующие примеры: *О-ой, раньше-то хорошо... Бедно жили, но хорошо. А чичас чё – багхатство! Багхатство с ума сбило всех!* (Кеж.: Козинск) *Раньше времена-то лучше были. . Как-то мы раньше..как вам сказать.. щас вот..вот я на своих детей посмотрю, они раньше соберутся там человек пять-шесть, всё – у них компания. А у нас раньше в деревне по тридцать, аж по сорок человек собирались компании.* (Кеж.: Заледеево) *ну а как же! Грибы, грибы! Знаете, сколько раньше грибов, ягод было! Щас-то я одна живу, по-грибы ну когда приезжают дети, если в это время есть грибы или ягоды – набирают, ходят, а так, одна.* (Кеж.: Заледеево)

В любом тексте, продуцированным человеком, находит отражение эмоционально-волевая установка автора текста, с помощью которой достигается некая коммуникативная задача. Такая текстовая категория обозначается термином «тональность», то есть эмоциональная и психологическая позиция автора к повествуемому, а также отражение отношения автора к адресату и ситуации общения. Текстовая тональность и ее частные семантические сферы (эмоциональная оценка, интенсивность) выражается различными языковыми и речевыми средствами: эмоциональные междометия, эмоционально-экспрессивная лексика, средства экспрессивной фоники и синтаксиса и специальные приемы выразительности. Стоит сказать о классификации типов речевого воздействия тональности: мажорная, минорная и нейтральная.

Применяя данную классификацию к изученным нами меморатам, можно сделать вывод, что большинство текстов характеризуются скорее минорной тональностью (отражение сниженных и отрицательных эмоциональных оценок, общий пессимистический настрой). Обосновать данный вывод можно тем, что подавляющее большинство устных меморатов направленно в сторону прошлого, носящего печальный отпечаток, подсвеченный опытом войны, потери близких и родных, затопление родного села, неудовлетворенность сегодняшним днем. Это подтверждают следующие примеры: *Щас у всех деньги на уме! Деньги!.. деньги!.. получают много – ишо надо большы, ишо надо большы! Машины... А у нас ни машины, ни черта не было...* (Кеж.: Кодинск) *Ой, как жалко всё-о, ой, как жалко-то всё-о...* (Кеж.: Кодинск) *В то время это ведь мы по-другому у нас было, у нас ни садиков, ничё не было. Да плохонько, девочки, жили мы... война, голод, холод... Никому не посоветую такой жизни, милые мои!* (Кеж.: Заледеево) *Ой да какие праздники, девочки. Не праздновали ничего, времени не было! Ничего не знали кроме труда. Вот така жизнь была.* (Кеж.: Заледеево) *Не знаю, не знаю, не знаю. А людей-то сколько, Люба, людей-то сколько раньше убивали-то. Вот. Потом совсем. Раззорили.*

Однако, не смотря на явное преобладание минорной тональности, в меморатах присутствуют также мажорные настроения, отражающее общее впечатление прошедших лет и как бы дающее оценку всей прошедшей жизни: *Жили мы веселее всё-равно, несмотря на то, что трудностей больше было. Ну все-равно жили весело.* (Кеж.: Заледеево) *Ну дак а жить-то уж мне не много, не духом же падать!* (Кеж.: Кодинск) *Дру-ужно было. Ранешно как было, весело было.* (Кеж.: Кодинск) *Ну дак а жить-то уж мне не много, не духом же падать!* (Кеж.: Кодинск) *Вот, только что тогда же всё равно люди-то лучше были, как-то сплоченнее, все же.* (Кеж.: Кодинск)

Список литературы

1. Белякова С.М. Прошлое и будущее в диалектной картине мира // Вестник ВГУ, Серия "Лингвистика и межкультурная коммуникация". 2005. №2. С. 72 - 82.
2. Голованов И.А. Устный рассказ-воспоминание в современной коммуникации как фольклорный текст// Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 2 (293)/Филология. Искусствоведение. Вып. 74. С. 92–96.
3. Косицына Ю. В. Статико-динамическая модель тематической организации диалектного монологического текста: дис. ... канд. ист. наук: 10.02.01. Т. 1. Кемерово, 2013. 242 с.

СИТУАЦИЯ КУПЛИ-ПРОДАЖИ В РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ПАРЕМИЯХ

Лю Вэньвэнь

научный руководитель канд. филол. наук Погребняк А.К.

Сибирский федеральный университет

Целью данной статьи является анализ лексического выражения ситуации купли-продажи в русских и китайских паремиях. Нами проанализирована 81 русская паремия, взятая из «Словаря-тезауруса русских пословиц, поговорок и метких выражений» В.И. Зимина, и 43 китайские паремии, извлеченные с разных сайтов сети Интернет.

Паремия является родовым понятием пословиц и поговорок. Под пословицей понимается «устойчивое в языке и воспроизводимое в речи анонимное обобщающее изречение, хотя бы часть элементов которого наделена переносным значением и которое пригодно к использованию в дидактических целях» [1], например, *Лежачий товар не кормит; Вольнее торгу нет, а и там неволя живёт*. Поговоркой называется «устойчивое в языке и воспроизводимое в речи анонимное обобщающее изречение, лишённое переносности значения и пригодное для употребления в дидактических целях» [Там же]. Примерами поговорок являются: *Дорожке каменного моста; Товар мой – карман твой; Родство – дело святое, а торговля – дело иное*.

В китайской паремиологии употребляются термины «яньюй» 谚语 и «суюй» 俗语. В слове *яньюй* ключевым является иероглиф 谚 (yàn), который означает «пословица; изречение; прибаутка». Он состоит из двух иероглифов: 言 (yán) «речь, язык; слова; разговор» и 彦 (yán) «даровитый учёный; высокообразованный человек; гордость, украшение». Второй иероглиф 语 (yǔ) обозначает собственно языковые знаки или их систему: 1. «слова, речи, беседа, разговор»; 2. «изречение, афоризм, пословица, поговорка»; 3. «слово; фраза, словосочетание»; 4. «язык, речь». В слове *суюй* ключевой иероглиф 俗 (sú) означает «нравы, обычаи; привычки; склонности, вкусы». Он состоит из упрощённой формы иероглифа 人 (rén) «человек; род человеческий; человечество; человеческий» и 谷 (gǔ) «хлеба, злаки; зерновые». Еда является основной и необходимой для человека, поэтому, на наш взгляд, иероглиф 俗 (sú) стал обозначать «основное, известное, стабильное». Сопоставление толкований терминов в китайском и русском языках показывает, что *яньюй* соотносится с термином «пословица», а *суюй* – с термином «поговорка». Примером *яньюй* является выражение 羊肉不当狗肉卖。 – *Баранину не следует как собачье мясо продавать*; а паремия 有多大本钱, 做多大生意。 – *Насколько велик основной капитал, настолько велик бизнес* относится к *суюй*.

Анализ русских паремий выявил следующие лексические компоненты, представляющие ситуацию купли-продажи в них.

1. Участник 1 и его характеристика: *покупатель; купить, покупать, платить, запрос (спрос), просить: Не тогда товар запасать, когда покупатель на торгу стоит; Мой запрос, твоя подача*.

2. Участник 2 и его характеристика: *купец; хозяин, продать, подача (предложение), дать / взять, торговать, поторговать (торговать некоторое время): Без хозяина товар сирота*. Слово «купец» обозначает лицо, которое приобретает товар, владеет правом собственности на него и сбывает его в разных торговых местах: *Всяк купец свой товар хвалит*.

3. Мотивацией Участника 2 является получение прибыли. Прибыль в русских пословицах называется устаревшим разговорным словом *барыш* и просторечными *прибыток*, *нажиток* и *наживное*. Активна словообразовательная модель с корнем *жить*. Слова с приставкой *на-* (*нажиток*, *наживное*, *наживаться*) акцентирует на постепенном приобщении ценностей, предметов в течение жизни в результате торговой деятельности: *Наше наживное – по дыре в кармане*. Приставка *раз-* в слове *разжиться* указывает на область распространения, широкий охват предметов обладания: *Дорожится – хочет разжиться*. Получение прибыли сравнивается с охотой, поэтому она также называется *добычей*: *Большая добыча хуже малой*.

4. Потери Участника 2, не зависящие от его воли, обозначаются словом *убыток* и разговорным сниженным синонимом *наклад*: *Барыш с наклад на одних санях ездят*.

5. Траты Участника 2, предполагающие намеренный расход полученной прибыли: *прожи(ва)ть*, *проживаться* в значении «много тратить на жизнь и развлечения». Глаголами *проесть*, *пропить* целью растрат называются физиологические потребности: *Что привёз, то продал; что продал, то пропил*.

6. Предмет *товар*: *У хорошего товару не бывает накладу*.

7. Оценка товара: *цена, дорого / дешево, дорожиться* («дорого продавать»): *Дорого, да люблю, дешево, да грубо*.

8. Средство обозначается преимущественно обобщенно *деньги*. Единично представлены названия монет – *деньга*, равная полкопейки, уменьшительное *копеечка* и устаревшее слово *алтын*, равный трём копейкам: *Продал на деньгу, а проел на алтын*. В пословицах также встречается метонимическое обозначение денег *карман*, основанное на ассоциации по смежности. Действие, производимое с деньгами, называется существительным *счёт* и глаголом *расчесться*: *Чаще счёт – крепче дружба*.

9. Цель *купля, продажа*: *Не купля учит, а продажа*.

10. Место торговли на открытом пространстве *базар*: *Базар деньги любит*.

11. Процесс: *(рас)торговаться; торговля, торг*: *От иглы расторговался*.

Ситуация купли-продажи в китайских паремиях содержит значительно меньше компонентов, однако агенсы характеризуются разнообразием лексического выражения.

1. Участник 1 и его характеристика: 买主 mǎizhǔ «покупатель (в сделке); клиент» (买 «покупать», 主 «хозяин»), 顾客 gùkè «клиент, покупатель, потребитель, заказчик» 头客 «голова» + «гость; посетитель; путешественник, чужеземец; проезжий, прохожий»; 买 mǎi «купить; покупать, приобретать»: 顾客是衣食父母。 – *Клиент – благодетель*; 卖主怪脚, 买主怪鞋。 – *Продавец винит ноги, покупатель винит ботинки*.

2. Участник 2 и его характеристика: 卖主 mǎizhǔ «продавец» (卖 «продавать», 主 «хозяин»), 生意人 shēngyìrén «коммерсант, делец, бизнесмен»; 同行 tóngxíng «1) иметь одинаковую профессию, иметь ту же специальность; 2) коллега, человек той же профессии», 主 zhǔ «хозяин; владелец; собственник»; 经商 jīngshāng «заниматься торговлей, вести торговлю, торговать», 做生意 zuòshēngyì «торговать, заниматься бизнесом», 记帐 jìzhàng «вести бухгалтерию (счетоводство)», 放债 fàngzhài «давать деньги в долг (под проценты)», 卖 mǎi «продавать; торговать»: 要经商, 走四方。 – *Хочешь заниматься торговлей, направляйся во все четыре стороны света*; 销 xiāo «сбывать, реализовать, продавать (товар)» 一人进货百人销。 – *Один человек возит товар, а сто сбывает*.

3. Предмет – 货 huò «товар, груз, предмет; вещь».

4. Средство – 卖钱 mǎiqián «деньги, вырученные от продажи (чего-либо), выручка».

Таким образом, в русских поговорках ситуация купли-продажи включает одиннадцать компонентов и характеризуется большим лексическим разнообразием. Китайские поговорки содержат четыре компонента, центральными из которых являются активные участники ситуации.

Список литературы

1. Савенкова Л.Б. Русская поговорковедение: семантический и лингвокультурологический аспекты: Дис. ... докт. филол. наук. М., 2002. 239 с.

СЕМАНТИКА ЭМОЦИИ СТРАХА В РАССКАЗАХ**Л.Н. АНДРЕЕВА И ЕГО ДНЕВНИКАХ****Нуждова Д.А.****научный руководитель канд. филол. наук Башкова И. В.***Сибирский федеральный университет*

На сегодняшний день наука о языковой личности – лингвоперсонология – является одной из самых актуальных и динамично развивающихся областей языкознания. В центре внимания исследователя находится человек и всё, что связано с ним: его языковая личность, его чувства и эмоции.

Одним из эффективных направлений в развитии лингвоперсонологии является ее интеграция с семантикой. Данное направление можно обозначить как «семантическая лингвоперсонология». В рамках данного направления нам представляется важным проанализировать, как представлены эмоции страха и ужаса в произведениях Л. Н. Андреева через анализ семантики лексем, обозначающих эти понятия, поскольку они являются ключевыми для понимания специфических особенностей авторской картины мира.

Предметом нашего исследования являются семантические особенности выражения эмоций страха в рассказах Л. Н. Андреева (в сравнении с семантикой этих лексем в его дневниках 1914–1919 гг.).

В современной лингвистике достаточно много работ посвящено проблемам семантики эмоций и их вербализации. В ряду эмоциональных состояний важное место занимает и страх. Страх – одна из наиболее значимых для человека эмоций, движущая сила человеческого поведения, побуждающая его совершать те или иные действия или же, напротив, избегать их. Страх относится к первичным эмоциональным реакциям, аффектам, доступным как высокоразвитым приматам, так и человеку. Данная эмоция постоянно знакома человеку с древних времен и будет сопровождать его постоянно. Как указывает Н. А. Красавский, «страх – это стабильный эмоционально-мыслительный конструкт, некий эмоциональный образ, генетически «прописанный» в нашей памяти. Его переживание человеком психологически и витально необходимо; он есть форма защиты и способ сохранения человеческой популяции» [3: 339].

Однако следует отличать «страх-боязнь», имеющий под собой реальное основание, от экзистенциального, метафизического ужаса человека перед бытием в целом. Впервые об этом семантическом различии заговорил С. Кьеркегор. Благодаря ему были строго разграничены Angst (метафизический страх-тоска) и Furcht (эмпирический страх-боязнь). Кьеркегор называет метафизический страх «пропастью совести», «бесконечно ужасным страхом возможности греха», перед которым бледнеет любой эмпирический страх (Furcht) какой-то конкретной угрозы. Метафизический страх – это неопределенный страх перед Ничто, с которым у индивида нет ничего общего.

По словам А. Вежбицкой, «страх» в немецкой философии только очень приблизительно соответствует словам со значением «страх» в других языках, «поскольку в концепте „Angst“ содержится нечто от состояния депрессии, тревоги, неприкрытости, незащищенности, неуверенности» [2: 601]. Словосочетание «german angst» стало устойчивым выражением во многих языках мира.

Ещё более явно семантическая грань между двумя видами страха прослеживается в немецкой философии. Так, М. Хайдеггер развивает кьеркегоровскую идею метафизического страха.

Мы будем анализировать семантику эмоции страха в языковой картине мира Л. Н. Андреева, опираясь именно на определение метафизического «страха-ужаса», данное Хайдеггером в статье «Что такое метафизика?»: «Под этим «ужасом» мы понимаем не ту очень частую склонность ужасаться, которая, по сути дела, сродни излишней боязливости. Ужас в корне отличен от боязни. Мы боимся всегда того или другого конкретного сущего, которое нам в том или ином определенном отношении угрожает. Боязнь перед чем-то касается всегда тоже чего-то определенного. <...> Хотя ужас есть всегда ужас перед чем-то, но не перед этой вот конкретной вещью. При ужасе для такой сумятицы уже нет места. Чаще всего, как раз наоборот, ужасу присущ какой-то оцепенелый покой» [5: 28].

Серж Роле из университета Безансон полагает, что главной целью, которую преследует Леонид Андреев, является создание поэтики страха [4: 170]. Он считает, у Леонида Андреева есть отрывки или даже целые произведения, где беспричинный, неопределенный страх возникает как будто сам по себе, независимо от какой бы то ни было провокации. «Нет объективных факторов, которые вызывают страх, но немотивированный страх все-таки таится где-то в глубине текста».

Наиболее яркой иллюстрацией семантических особенностей лексем, выражающих страх в произведениях Л. Н. Андреева, являются эпитеты, с помощью которых эмоции страха характеризуются и уточняются. Приведём в таблице наиболее яркие и частотные эпитеты, сопровождающие лексемы «ужас» и «страх».

Ужас	Страх
Темный, животный, панический, пленительный, безграничный, молчаливый, неопиcуемый, бессловесный, бесчеловечный, смертный, смертельный, кровавый, безумный, бесконечный, безмолвный, огненный/холодный, нестерпимый.	Сумасшедший, безумный, неожиданный, беспричинный, отчаянный, безотчётный, низкий, жестокий, панический, смутный, тупой, животный, мистический, непонятный.

Особое внимание следует обратить на эпитеты «молчаливый», «бессловесный», «безмолвный». По Хайдеггеру, это один из прямых признаков именно экзистенциального ужаса: «Ужас перебивает в нас способность речи. Раз сущее в целом ускользает и надвигается прямо-таки Ничто, перед его лицом умолкает всякое говорение с его “есть”».

Если, согласно статистическим данным, полученным с помощью Национального корпуса русского языка (<http://ruscorpora.ru>), в рассказах Л.Н. Андреева мы наблюдаем более 800 вхождений с лексемами «ужас» и «страх» и их производными, то в дневниковых записях Андреева лексемы с семантическим значением «ужас» встречаются 19 раз, «страх» – 33 раза. Причём показательно, что в большинстве случаев эти слова употреблены во вполне обыденном контексте и без эпитетов:

- «...либо ужасающая бездарность, плоскость, нудная галиматья с резко реалистичными деталями» [1: 100]
 - «Кроме воистину ужасного климата и земли причина и некультурность». [1: 93]
 - «Была ужасна нынешняя зима» [1: 73]
- «Ужас» именно в семантическом значении, близком к немецкому «Angst», встречается в прямом цитировании рассказа о безумии войны «Красный смех» («Безумие и ужас...»), а также в автоцитате из самых ранних дневников Л.Н. Андреева, в которой юный писатель практически провозгласил свой манифест:

- «Я хотел бы, чтобы человек бледнел от ужаса, читая мою книгу, чтобы она действовала на него как дурман, как страшный сон, чтобы она сводила людей с ума, чтобы они ненавидели, проклинали меня, но все-таки читали... и убивали себя...» [1: 63]

Лексема «страх» с семантическим оттенком «Angst» встречается в тексте дневников только дважды, и оба случая связаны с экзистенциальным страхом писателя перед смертью:

- «ежечасное ожидание смерти и страх ее, томительный и непрерывный, стоящий вне воли и сознания» [1: 50]
- «Вчера вечером нахлынула на меня тоска, та самая жестокая, страшная тоска, с которой я борюсь, как с самой смертью» [1: 91]

Сравнительный анализ дневниковых записей Л. Н. Андреева и его художественных произведений продемонстрировал, что в разных типах дискурса писателя наблюдаются семантические различия в выражении эмоций страха. Если в малой прозе писателя присутствует семантический сдвиг: лексемы, выражающие страх, имеют ярко выраженное значение именно экзистенциального ужаса перед бытием, близкого к немецкому понятию «Angst», то в дневниках эти эмоции за редкими исключениями употребляются в своём нормальном, стандартном значении.

Список литературы

1. Андреев Л.Н. S.O.S. СПб.: Феникс, 1994. 608 с.
2. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / пер. с англ. А. Д. Шмелева. М.: «Языки русской культуры», 1999. 783 с.
3. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в русской и немецкой лингвокультурах. Волгоград: «Перемена», 2001. 376 с.
4. Роле С. Страх в творчестве Леонида Андреева / Семиотика страха. М.: Русский институт: "Европа", 2005. с. 168-171
5. Хайдеггер М. Что такое метафизика. М.: Академический проект, 2013. 277 с.

АФГАНСКИЙ НАРРАТИВ В КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ КНИГИ С. АЛЕКСИЕВИЧ «ЦИНКОВЫЕ МАЛЬЧИКИ»)

Побережных И. В.

научный руководитель д-р. филол. наук Фельде О. В.

Сибирский федеральный университет

Данное исследование выполнено на стыке лингвистической нарратологии и коммуникативной стилистики. Основным методом, использованный в работе – коммуникативно-прагматический.

Материалом исследования является книга нобелевского лауреата С. Алексиевич «Цинковые мальчики» (1989). Согласно нашей гипотезе, автором книги в тексте реализуется коммуникативная стратегия дискредитации (в частности, образа советского солдата и правящей партии); стратегия и мишени дискредитации находятся в центре нашего внимания и являются объектом нашего исследования. Предмет исследования – реализуемые внутри этой стратегии коммуникативные тактики.

Определяя афганский нарратив, мы отталкиваемся от следующего определения нарратива в его традиционном понимании: «текст, описывающий некую последовательность событий; то же, что история, рассказ, повествование»^[1]. Необходимым условием нарративности текста, на которое указывает В. Шмид, является наличие повествовательной инстанции^[2]. Афганский нарратив в контексте настоящей работы мы определяем как нарратив о войне в Афганистане 1979-1989 гг.

При анализе коммуникативных стратегий и тактик мы опираемся на концепцию О. С. Иссерс^[3] и подробную классификацию дискредитирующих тактик и приёмов, предложенную Н. Б. Руженцевой^[4].

Актуальность работы обусловлена повышенным вниманием к творчеству С. Алексиевич в контексте идеологических разногласий, а также исторической и культурной ценностью и лингвистической содержательностью материала.

Книги С. Алексиевич написаны в художественно-документальном жанре. Книга «Цинковые мальчики» представляет собой сборник нарративных текстов – записанных автором интервью и воспоминаний участников войны в Афганистане 1979-1989 гг. и матерей воинов-афганцев.

Стоит отметить, что вскоре после выхода книги в печать автору от имени её героев-рассказчиков в судебном порядке были предъявлены претензии во вмешательстве в документальный текст (фальсификации и искажении рассказов, приписывании рассказчику мыслей автора, а так же предвзятости при отборе материалов), что обостряет необходимость подробного лингвистического исследования книг С. Алексиевич.

О. С. Иссерс даёт такое определение коммуникативной тактике: «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативных целей, который включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана»^[5]. Под тактиками дискредитации понимаются «речевые действия, цель которых — подорвать доверие, вызвать сомнение в положительных качествах кого-либо»^[6].

Автором «Цинковых мальчиков» преследуется характерная для публицистического текста цель – воздействие на читателя, навязывание авторского мнения. Стратегия дискредитации «направлена на трансляцию читателю печатной

продукции точки зрения автора текста»^[7]. Цель дискредитации какого-либо объекта достигается с помощью речевых тактик издёвки, оскорбления, обвинения и других.

Негативный образ советского солдата создаётся рассказчиками, героями книги, с использованием множества дискредитирующих тактик. В их число входит **тактика прямых оскорблений** или **тактика агрессии**, заключающаяся в широком использовании инвективных средств, эмоционально окрашенной лексики и фразеологии:

«Герои? Герои такие люди, как и остальные: лживые, жадные и выпивохы. Не придумывайте героев» (Рядовой, танкист);

«Я ненавижу "афганцев". Их клубы похожи на армию. Те же армейские штучки: нам металлисты не нравятся - пойдём, ребята, набьём им морду! Гомиков отдубасим!» (Рядовой, оператор-наводчик) – приведенные выше высказывания характеризуют советского солдата с негативной стороны: «выпивоха», ложный герой, человек аморального поведения, хулиган.

Тактика обвинения реализуется рассказчиками неоднократно в первой части книги. Матери погибших и пострадавших на войне солдат обвиняют правящую партию в смерти своих сыновей.

«Раньше я ненавидела тех, кто Сашу убил... Теперь ненавижу государство, которое его туда послало» (Мать);

«...Другой раз проклинаю правительство, партию... Нашу власть... Хотя я – коммунистка. Но я хочу знать – за что? Почему в цинк моего сына завернули?» (Мать) – рассказчик задаёт риторический вопрос («за что?»), на который просит ответ у руководителей государства.

«Как надо не любить свой народ, чтобы посылать его на такое?» (Медсестра) – выраженное обвинение в адрес государства за бесчеловечные преступные действия.

В тексте часто реализуется тактика **дискредитирующего нарратива**, которая заключается в достижении цели дискредитации образа воина-афганца путём рассказа о шокирующих читателя деталях:

«Кто расскажет, как перевозили наркотики в гробах? Шубы? Вместо убитых... Кто вам покажет ниточку засушенных человеческих ушей? Уже слышали или новая информация? Боевые трофеи... Хранили в спичечных коробочках... Они скрючивались в маленькие листочки... Не может быть? Неловко слушать о славных советских парнях?» (Старший лейтенант, начальник расчета) – рассказ, в котором на первый план выдвинуты негативные шокирующие факты, создаёт в сознании читателя образ сумасшедшего человека без моральных принципов.

«Прихожу раз домой: за столом -- четверо незнакомых ребят. <...> Они жили у нас неделю. Не считала, но, думаю, ящика три водки выпили. <...> Они говорили, что, когда сидели в засаде по две недели, им давали стимуляторы, чтобы были смелее. Но это все в тайне хранится. <...> "Ой, – говорила я себе, – они все какие-то сумасшедшие. Все ненормальные" (Мать) – рассказ, в котором акцентируются факты распития героями водки и употребления наркотиков, создаёт образ «ненормального», одержимого наркомана.

«Мой разговор о смерти не вызывал у них особенных чувств, таких чувств, какие любое убийство обычно вызывает у нормального человека, не видевшего кровь. Они говорили о войне, как о работе, где надо убивать. <...> Меня интересовало, я уже на этом застолбилась: было ли им страшно? Что они испытывали при виде смерти? Нет, им ничего не было страшно, у них даже чувство жалости притуплено. Разорванные... Расплющенные... Черепа, кости... Похороненные под землей целые школы... <...> А они вспоминали и рассказывали о другом; какие богатые винные склады откапывали, какой коньяк, какое вино пили. Шутили: пусть бы еще где-нибудь

тряхануло. Но чтобы в теплом месте, где виноград растет и делают хорошее вино... Они что – здоровые? У них нормальная психика?» (Мать) – даётся вполне конкретная характеристика воина-афганца: человек с больной психикой, пьяница и безжалостный убийца.

Тактика поляризации основывается на резком противопоставлении одной социальной группы другой, строгом делении на «мы» и «они»; в «Цинковых мальчиках» такой контраст поддерживается между советским союзом и другими государствами:

«Эластичного бинта вообще не было. Тоже брал трофейный... Французский, немецкий... А наши отечественные шины?! Это же лыжи, а не медицинские приспособления. <...> Наш бронезилет не поднять, в нем невозможно двигаться, американский – ни одной железной части, из какого-то пуленепробиваемого материала. <...> У нас шлемы тридцатых годов, каски дурацкие. Еще с той войны... (Задумывается). За это... За многое там было стыдно... Почему мы такие?» (Старшина, санинструктор разведроты) – здесь описывается скудность и бедность обеспечения советской армии, устаревшее советское оружие и экипировка сравнивается с таковыми у армии других стран; этим достигается цель демонстрации несостоятельности и убогости советской армии.

На протяжении всего текста автором реализуется **тактика нагнетания негативной информации** («сгущения красок»), заключающаяся в выборе сильно воздействующего на читателя материала, иллюстрирующего произвол власти и аморальность поступков советских солдат, вместе с недостатком текстов с положительной оценочностью. В этом видится авторская установка на выдвигание негативной информации на первый план и умолчание неподходящей. Как отмечает А. Г. Тоне, в «Цинковых мальчиках» С. Алексиевич, «предъявляя свидетельские показания жертв несправедливой войны, эксплицитно обвиняет систему, допустившую эти жертвы»^[8]. В связи с этим мы считаем уместным говорить о совпадении мнения автора и мнения героя текста; С. Алексиевич как бы говорит устами героев книги, что даёт основания предполагать сознательное использование дискредитирующих коммуникативных тактик.

Суммируя составляющие образа воина-афганца книги «Цинковые мальчики» (наркоман, убийца, хулиган) и советского правительства (преступные, бесчеловечные действия, неумелое руководство), можно сделать вывод о достижении автором цели дискредитации этих мишеней путём реализации различных коммуникативных тактик. В рамках реализуемой стратегии дискредитации автор «помогает» адресату интерпретировать предлагаемую информацию.

Список литературы

1. Шейгал Е. И. Многоликий нарратив / Политическая лингвистика. Вып. (2) 22. Екатеринбург, 2007. С. 86.
2. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 10.
3. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 288 с.
4. Руженцева Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе. Екатеринбург, 2004. 294 с.
5. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики... С. 54.
6. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики... С. 161.
7. Руженцева Н. Б. Дискредитирующие тактики... С. 11.
8. Тоне А. Г. Проблемы жанровой эволюции художественно-документальной прозы 1970-1990-х гг. : дис. ... к. филол. н.: 10.01.01. М.: 1999. С 121.

АНТРОПОНИМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ПОЭЗИИ А. БАШЛАЧЕВА В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Ступакова Е. Ю.

научный руководитель канд. филол. наук Башкова И. В.

Сибирский федеральный университет

В настоящей работе с позиций лингвокультурологии рассматривается функционирование личных имен собственных в поэзии А. Башлачева, особое внимание уделяется прецедентным антропонимам.

А. Н. Башлачев (1960 – 1988) – русский поэт, музыкант и композитор, создававший свои произведения в эпоху так называемых «героических восьмидесятых», то есть в конце 80-х годов XX века.

Всего в результате анализа произведений А. Башлачева методом сплошной выборки было выявлено 95 антропонимических единиц (включая разные формы одного имени), из них 29 единиц функционируют в ранних текстах автора (до лета 1984), 66 относятся к позднему творчеству.

Приведем результаты количественного анализа антропонимов. Данные распределены по группам и представлены в таблице.

Таблица 1 – количественный состав антропонимического пространства поэзии А. Башлачева

	Личные имена собственные	Фамилии	Отчества
Непрецедентные	46	4	3
Прецедентные	14	24	-
Окказиональные	2	1	1
Всего	62	29	4

Примечательно соотношение числа стихотворений, написанных А. Башлачевым, и антропонимических единиц, присутствующих в них. Поэтом создано чуть более ста стихотворений [3: 5], антропонимов в них в совокупности употребляется, как уже говорилось выше, 95. Поэзия А. Башлачева в значительной степени насыщена антропонимами, при этом симптоматичным является то, что подавляющая часть произведений не включает имен собственных (около 40 текстов), в других же текстах «концентрация» антропонимов довольно высока.

Так, в стихотворении «Разлюли-малина» (1978, раннее творчество) отмечаем наибольшее число личных имен собственных (14), 9 – в «Верке, Надьке, Любке» (1986, позднее творчество), что свидетельствует о том, что насыщенность каждого конкретного произведения А. Башлачева антропонимами не находится в прямой зависимости от периода его создания. Количество имен собственных в рассматриваемых текстах, таким образом, не может являться показателем, маркером творческой эволюции А. Башлачева.

Рассмотрим конкретную группу имен собственных, присутствующих в текстах А. Башлачева, – прецедентные антропонимы.

Всего в произведениях поэта употребляется 28 прецедентных антропонимических единиц (при учете сочетания имени и фамилии как одной единицы), которые можно разделить на две большие группы: 1) антропонимы, носителями которых являются реальные исторические личности (*Ней, Адольф, Иосиф,*

Элтон Джон, Янковский и др.); 2) имена собственные, относящиеся к прецедентным текстам (*Левша, Гулливер* и др.).

Прецедентные антропонимы в соответствии с тематическими полями, к которым они принадлежат, можно разделить на следующие группы:

1. «Исторические деятели, политики» (7): *Наполеон Бонапарт* (в тексте употреблены независимо друг от друга), *маршал Ней* («Грибоедовский вальс», 1983), *Лех Валенса, Рейган* («Подвиг разведчика», 1984), *Адольф, Иосиф* («Абсолютный вахтер», 1985), *Петр* («Петербургская свадьба», 1985).

2. «Поэты и писатели» (6): окказиональный антропоним *Ван-Гоголь* с прецедентной фамилией как одним из его компонентов, *Горький* («Слет-симпозиум», 1984), *Пушкин* («Петербургская свадьба», 1985). Сюда можно также отнести ряд антропонимов из группы «музыканты» (*Башлачев, Борис Гребеничиков, Высоцкий*).

3. «Музыканты» (5): *Донна Саммер* («Разлюли-малина», 1978), *Штраус* («Пора собираться на бал», 1982), *Элтон Джон* («Прямая дорога», 1984), *Кобзон* (Там же), *Борис Гребеничиков* («Случай в Сибири», 1986), *Высоцкий* («Слыша В. С. Высоцкого (Триптих)», 1986), *Башлачев* («Палата №6», 1983).

4. «Художники» (5): *Леонардо да Винчи, Репин, Левитан, Рублев, Врубель* («Разлюли-малина», 1978).

5. «Герои литературных произведений и персонажи национальной культуры» (3): *Гулливер* («Минута молчания», 1984), *Левша* («Зимняя сказка», 1984), *Яга* («Хороший мужик», 1986).

6. «Другое» (3): *Всеволод Новгородцев* («Новый год», 1983), *Терешкова* («Егоркина былина», 1985), *Янковский* («Хороший мужик», 1986).

7. «Библейские антропонимы» (2): *Пилат* («На жизнь поэтов», 1986), *Христос* (Там же).

Важной при рассмотрении прецедентных антропонимов представляется проблема читательского восприятия, шире – реципиента вообще, так как данные тексты рассчитаны, прежде всего, на восприятие на слух (преимущественно в исполнении автора).

Принимая во внимание разницу в восприятии стихотворений Башлачева разными поколениями, считаем возможным условное разделение рассматриваемых языковых единиц на две группы. Первую составляют прецедентные антропонимы, которые уже давно ощущаются носителями языка таковыми и относятся к ключевым фигурам русской (и мировой) культуры, например: *Леонардо да Винчи, Репин, Левитан, Рублев, Врубель, Штраус, Наполеон Бонапарт, Ленин, Адольф, Иосиф, Пушкин* и др. Вторую, более узкую, чем первая, группу образуют антропонимы, являющиеся прецедентными для большинства носителей языка в определенный временной промежуток (здесь – время творчества А. Башлачева). Они не теряют качества прецедентности и в настоящее время, но могут быть неизвестны ряду реципиентов произведений Башлачева. Это, например, антропонимы *Донна Саммер, Всеволод Новгородцев, Лех Валенса*.

Прецедентные антропонимические единицы выполняют в текстах А. Башлачева ряд функций. Многие имена выступают в анализируемых текстах как знаки времени, эпохи, отсылают читателя к определенному историческому периоду. Такие антропонимы могут способствовать созданию эффекта достоверности описываемого: «Ровно в двенадцать – **Всеволод Новгородцев** / И модная группа «Фрэнки гоуз ту Ленинград» («Новый год», 1983). Антропоним Всеволод Новгородцев связан с личностью руководителя ансамбля «Добры молодцы», ведущего русской службы радиостанции ВВС, автора программ «Рок-посевы», «Севаоборот» и «БиБиСева» (настоящее имя – Всеволод Борисович Левенштейн), сыгравшего значительную роль в

истории группы «Рок-сентябрь», автором текстов которой некоторое время был Башлачев.

Той же функции подчинены антропонимы и в ряде других текстов А. Башлачева. Это, например, *Рейган и Лех Валенсав* «Подвиге разведчика» (1984): «Из братских стран мне сообщает пресса: / Поляки оправляются от стресса. / Прижат к ногтю вредитель **Лех Валенса**, / Мечтавший всю Варшаву отравить». Прецедентная фамилия выступает как примета времени, усиливая «социальную конкретику» [4: 36], и в стихотворении «Егоркина былина» (1985): «<...> и опять Егор чистым барином <...> все беседует с космонавтами, / а целуется – с **Терешковой**». С этой же целью используется Башлачевым прецедентный антропоним и в тексте «Случай в Сибири» (1986): «Он взял гитару и запел. Пел за **Гребенщикова**. / Мне было жаль себя, Сибирь, гитару и **Бориса** <...>». Используемые антропонимы связаны с именем современника А. Башлачева, музыканта Бориса Гребенщикова, основателя рок-группы «Аквариум».

Кроме того, прецедентные антропонимы вызывают в сознании реципиента соответствующие ассоциации, так как содержат в себе огромный пласт культурно значимой информации. Так, например, в стихотворении «Не позволяй душе лениться» (1984) антропоним *Ленин* употребляется для создания комического эффекта (ср. шекспировского «бедного Йорика» и башлачевского «бедного Ленина») и выступает как знак эпохи: «Он был глашатай поколений. / Куда бы он ни убежал, / За ним повсюду бедный **Ленин** / С тяжелой кепкою шагал».

В стихотворении «Абсолютный вахтер» (1985) употребление имен *Адольф* и *Иосиф* связано с тем, что их носители видятся Башлачеву реальными воплощениями образа-символа «абсолютного вахтера», знаменующего собой тоталитарный режим, эпоху абсолютной, неограниченной власти: «Абсолютный вахтер – и **Адольф**, и **Иосиф**. / Дюссельдорфский мясник да пскопской живодер».

Прецедентные антропонимы *Пушкин* и *Петр* («Петербургская свадьба, 1985) употребляются в тексте как своеобразные символы города, поддерживают возникающую отсылку к пушкинскому «маленькому человеку» Евгению [2: 66]: «Усатое «Ура!» чужой недоброй воли / Вертело бот **Петра** в штурвальном колесе <...> За окнами – салют... Царь-**Пушкин** в новой раме <...>».

В стихотворениях Башлачева прецедентные антропонимы не просто создают особую культурно-историческую атмосферу, но и способствуют выражению идеи текста и потому представляются особо семантически нагруженными.

Так, в стихотворении «Грибоедовский вальс» (1983) имя и фамилия (*Наполеон Бонапарт*) знаменитого полководца вызывают в сознании реципиента соответствующие ассоциации. Образ Наполеона и связанные с ним характеристики «сила», «величие» противопоставлены образу «маленького человека» Степана Грибоедова. Имя этого исторического деятеля выступает также как символ человека, который претендует на исключительность, ему присущи крайнее честолюбие и властолюбие [5]. В имени и фамилии героя стихотворения (*Степан Грибоедов*), как отмечает Д. И. Иванов, «зашифрован» образ Степана Разина (стремление к бунту, подвигу), присутствует отсылка к Чацкому, герою комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» как к носителю «романтического, трагического сознания» [1: 135]. Антропоним *Наполеон Бонапарт*, таким образом, дополнительно подчеркивает перечисленные характеристики образа Степана Грибоедова: «Видит он небо Аустерлица. / Он не Степка, а **Наполеон** <..> Был неистовым он **Бонапартом**, / Водовоз Грибоедов Степан».

Ряд прецедентных антропонимов употребляется в текстах Башлачева, в том числе, для создания иронического эффекта, как, например, в стихотворении раннего периода творчества «Разлюли-малина» (1978): «За фрески **Репина** ей-богу, выпить

стоит / А этот, как его, по-моему **Ван-Гоголь** / Вот гениальное и вместе с тем простое / А помнишь, **Левитан**, его «Девятый вал»...<...> За иконопись **Рублёва** / Вермут наливай рублёвый / Да здравствует **Врубель** / Портвейн ценой в рубель».

В «Егоркиной былине» (1986) Башлачевым наряду с входящими в систему русского языка именами собственными употребляются окказиональные единицы, а именно антропонимы *Егор Ермолаевич* и *Зимогор Охламонович*, которые в общем смысле не являются прецедентными. Однако при соотнесении с контекстом стихотворения, его ритмическими характеристиками отмечаем возможную у реципиента ассоциацию с лермонтовской «Песней про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова». Так, и в «Егоркиной былине», и в тексте Лермонтова используется сочетание имени и отчества, которое не является типичным для поэзии (оба произведения ориентированы на фольклорную традицию). Кроме того, Башлачевым употребляется сходное с употребленным в «Песне...» по форме и морфемному составу отчество: ср. Иван *Васильевич* («Песня...») и Егор *Ермолаевич* («Егоркина былина»). Форму антропонима, которая при соотнесении с морфемным составом личного имени собственного, функционирующего в другом произведении, контекстом и рядом особенностей стихотворения (ритм, размер и др.) может отсылать к этому («другому») произведению, способствуя порождению дополнительных смыслов, условно обозначим термином «прецедентная форма имени / антропонима».

Итак, прецедентные антропонимы занимают значительное положение в ономастическом пространстве текстов А. Башлачева. Они выполняют как простую номинативную функцию, так и способствуют созданию эффекта достоверности описываемого, комического, иронического эффекта, вызывают в сознании реципиента соответствующие ассоциации, могут являться символами, знаками определенной эпохи, выражая идейное содержание произведения.

Список литературы

1. Иванов Д.И. А. Башлачев «Грибоедовский вальс» (опыт анализа поэтического текста) // Филологические штудии. 2005. №9. С. 134–145.
2. Логачева Т.Е. Рок-поэзия А. Башлачева и Ю. Шевчука – новая глава Петербургского текста русской литературы // Русская рок-поэзия: Текст и контекст. 1998. №1. С. 62–76.
3. Наумов Л. Александр Башлачев: человек поющий. СПб.: ЗАО «Торгово-издательский дом «Амфора», 2014. 543 с.
4. Нежданова Н.К. Художественные миры 70-80-х: образное кодирование концептов времени в рок-поэзии // Рок-поэзия как социокультурный феномен: Сборник научных статей. Череповец: ЧГУ, 2000. 55 с.
5. Толковый словарь Ефремовой [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/191401/Наполеон> (дата обращения: 02. 12. 2015).

НАИМЕНОВАНИЯ ЗОЛОТОНОСНЫХ РОССЫПЕЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (ПОЛЕВОЙ АНАЛИЗ)

Тахавеева Ю.В.

научный руководитель д-р филол. наук, проф. Фельде О.В.

Сибирский федеральный университет

Целью данного исследования является полевой анализ наименований золотоносных месторождений в современном русском языке. Для достижения цели необходимо определить структурно-семантические параметры терминологического поля «золотоносные россыпи», а также проанализировать особенности его системной организации.

В русской лексикологии подход к лексике как к явлению системному начался еще в XIX веке и связан с именами Н.В. Крушевского (закон «соответствия мира слов миру мыслей»), А.А. Потебни (причины семантических изменений объяснялись особенностями всей языковой системы и реалиями общественно-исторического развития народа как создателя и носителя языка), М.М. Покровского (закономерности семантических изменений слов). Свое начало полевое описание лексики, широко распространенное в лингвистике, берет в семасиологии и связывается прежде всего с именами Г. Ипсена, В. Порцига и Й. Трира (в работах которых возникло наименование «семантическое поле»). Позднее этот подход стал применяться и для описания лексических групп и парадигм, парадигматических полей (в работах У. Гуденафа, Э. Косиреу, Й. Трира, грамматических полей (В.Г. Адмони), синтаксических полей (Л. Вейсгербер, В. Порциг), грамматико-лексических полей (Е.В. Гулыга, Е.И. Шендельс), функционально-семантических полей (А.В. Бондарко) и др. [7]. Широкое применение полевой метод нашёл и в терминоведении при анализе различных терминосистем. Поле это совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений. По определению Л. А. Морозовой «терминопole – это унифицированная по системному основанию многоуровневая классификационная структура, объединяющая термины сферы однородной профессиональной деятельности» [6]. О.В. Фельде, З.Д. Попова и И.А. Стерин полагают, что основными критериями разграничения типов полевых структур являются: языковая – неязыковая обусловленность лексических связей; месторасположение идентификатора поля; тип структурных отношений внутри микросистемы [1].

Источником исследования послужили специальные словари (Географический словарь; Геологический словарь; Горное дело. Терминологический словарь; Словарь золотого промысла Российской империи) и ГОСТы (ГОСТ 3827-47 Горное дело. Горные выработки. Терминология; ГОСТ Р 52793-2007 Металлы драгоценные. Термины и определения; ГОСТ 6902-75 Золото и серебро сусальное. Технические условия; ГОСТ 6835-2002 Золото и сплавы на его основе. Марки; ГОСТ 27973.0-88 Золото. Общие требования к методам анализа).

На первом этапе членения терминологического поля «РМ» определяется, какие терминологические группы входят в его состав. Тематическая классификация данных ТГ строится на основе установления логических связей между предметами, объектами и явлениями, а также присущих этим наименованиям когнитивных признаков.

Терминопole «Золотоносные россыпи» включает следующие ТГ:

ТГ 1 Виды россыпей по месту образования и расположения (ГДЕ) :
близповерхностная россыпь (:мелкозалегающая) россыпь – расположенная на

небольшой глубине от дневной поверхности; *верховая россыпь* – россыпь, не имеющая торфов; продуктивный пласт в ней залегает на поверхности; *дельтовая россыпь* – формируется на участке взморья перед устьем реки в основном из аллювиального материала; *дюнная россыпь* – характерный генетический тип россыпи шельфовых зон, развитый на открытых морских и океанических побережьях; *прибрежно-морская россыпь* – термин широкого пользования, часто объединяющий все россыпные месторождения береговой зоны и подводного склона шельфа; *затопленная континентальная россыпь* – россыпь оказавшаяся ниже уровня воды в результате подъема уровня моря (озера) или опускания суши; *ледниковая россыпь* (:моренная) *россыпь* – возникает на побережьях континентов и океанических островов, формируясь в толще прибрежных отложений под воздействием приливно-отливных волн, прибойных потоков, вдоль береговых и разрывных волновых течений на пляжах и подводном береговом склоне; *литоральная россыпь* (: *прибрежная*) *россыпь* по В.И. Смирнову (по М.Ф.Векличу, одна из основных категорий россыпей, характеризующаяся тесной связью с коренным источником) [8]; *локальная россыпь* (: *местная*) *россыпь* (: *россыпь ближнего сноса*) – характеризуется тесной пространственной и генетической связью с коренным источником; *надплотиковая россыпь* – располагается в толще аллювия, не соприкасаясь с плотиком; *озерная россыпь* – образуется за счет выноса материала реками, а также при размыве коренных источников и промежуточных коллекторов, расположенных в береговой зоне озер; *пляжевая россыпь* – формирование ее связано с дифференциацией россыпей породообразующих материалов по гидравлической крупности под действием резкой асимметрии волновой энергии, в результате чего в тыловой зоне пляжа остаются наиболее тяжелые и крупные зерна, а мелкие уносятся в сторону моря; *погруженная россыпь* (: *затопленная*) *россыпь* – оказавшаяся ниже уровня воды в результате подъема уровня моря (озера) или опускания суши; *террасовая россыпь* – залегающая на речной террасе; образуется из долинных россыпей, сохранившихся в процессе врезания долины; *шельфовая россыпь* – формируется в условиях достаточно расчлененного горного рельефа.

ТГ2 «Виды россыпей по их генезису, по типу рыхлых отложений особенностям образования» (КАК ОБРАЗОВАНА): *элювиальная россыпь* – генетический тип россыпи, представленный неперемененными продуктами выветривания коренных источников; *делювиальные россыпи* – генетический тип россыпи, локализующийся в отложениях плоскостного смыва (в делювии) и образованный в ходе этого процесса; *аллювиально-делювиальная россыпь* – разновидность гетерогенных россыпей, образованных при совмещении действия речных и склоновых процессов; *аллювиальная россыпь* – генетический тип россыпи, представляющий собой речные (аллювиальные) отложения, содержащие повышенные концентрации россыпеобразующих материалов; *пролювиальная россыпь* – генетический тип россыпи, формирующийся в процессе переноса и отложения обломочного материала временными водотоками; *делювиально-аллювиальная россыпь* (: *ложковая*) *россыпь* (: *россыпи распадков*) – гетерогенная россыпь ближнего сноса, залегающая в малых, элементарных формах эрозионной сети; *эоловая россыпь* – генетический тип россыпи, формирующихся в результате ветровой сортировки частиц по плотности и форме зерен; *элювиально-карстовая россыпь* – разновидность элювиальной россыпи в районах развития карстового рельефа; *элювиально-склоновая россыпь* – гетерогенные россыпи, образующиеся при выветривании коренных источников и частичном перемещении материала склоновыми процессами.

ТГ 3 «Виды россыпей по времени образования» (КОГДА): *докембрийская россыпь* – россыпь находящаяся в древнейшей толще земной коры; *древняя россыпь*

(:погребенная) *россыпь* – россыпь, находящаяся в погребенном состоянии, не связанная с современным рельефом; *молодая россыпь* – связанная с современным рельефом; *россыпь четвертичного возраста*; *россыпь позднечетвертичного возраста*; *россыпь среднечетвертичного возраста*; *россыпь голоценового возраста* – россыпь, сформировавшаяся после вюрмского оледенения; *старая россыпь* – россыпь подвергающаяся размыву и дающая начало новой формирующейся россыпи; *золотоураноносные докембрийские ископаемые россыпи*.

ТГ5 россыпи по особенностям строения (Из чего состоит): *многоярусная россыпь* (:многопластовая) *россыпь* – россыпь, в строении которой принимают участие два и более разновозрастных пласта; *двухъярусная россыпь* (:двухпластная) *россыпь* – состоит из двух пластов, расположенных на разных гипсометрических уровнях; *гетерогенная россыпь* – разнородная по своему составу россыпь.

Распространенным типом системных отношений в пределах ТП «Россыпные месторождения» являются отношения синонимии. Изучение явления синонимии, ее критериев и классификаций в рамках традиционной семантики напрямую связано с сущностью и структурой категории значения, разработкой которой занимались такие зарубежные и отечественные лингвисты, как W.Chaffe, L. Bloomfield, G.N. Leech, J. Lyons, F. R. Palmer, J. K. Spark, S. Ullman, Ф. де Соссюр, Ш. Балли, В.В. Виноградов, Ю.Д. Апресян, В.Г. Гак, А.В. Кунин, И.В. Арнольд, В.А. Звегинцев, Ю.С. Степанов, М. И Фомина, А. П. Евгеньева, М. Н. Шанский и др. Синонимическая связь предполагает наличие общего семантического ядра у двух или более лексических единиц, которые могут отличаться оттенками значения. Приведем примеры: *литоральная россыпь* – *прибрежная россыпь*; *локальная россыпь* – *местная россыпь* – *россыпи ближнего сноса*; *моренная россыпь* – *ледниковая россыпь*; *погруженная россыпь* – *затопленная россыпь*; *делювиально-аллювиальная россыпь* – *ложковая россыпь* - *россыпи распадков*; *многопластовая россыпь* - *многоярусная россыпь*; *двухъярусная россыпь*- *двухпластная россыпь*.

Как известно, в основе антонимии лежит ассоциация по контрасту, отражающая существенные различия однородных по своему характеру предметов, явлений, действий, качеств и признаков. Антонимия, по словам, В.А. Татарина, наиболее близка к логико-философским категориям, исследующим логические отношения в языке» [9]. Как отмечает, О.В. Фельде «подобно синонимии, этот вид отношений между лексическими единицами связывает в нашем сознании одну и ту же сущность, рассматривая онтологически присущие ей противоположности [1]. Существует несколько видов антонимов:

- контрарные антонимы выражают качественную противоположность, дают представление о постепенном изменении какого-либо признака, свойства. При контрарной антонимии возможно построение ступенчатых оппозиций. Например,

докембрийская россыпь – *древняя россыпь* – *докембрийская россыпь* – *россыпь четвертичного возраста* – *россыпь голоценового возраста* – *молодая россыпь*.

- комплементарные антонимы, находятся между собой в отношениях дополнительности. Шкала противопоставления представлена двумя членами, которые дополняют друг друга, при этом отрицание одного дает значение другого. Например,

близповерхностная россыпь – *верховая россыпь*; *молодая россыпь* – *старая россыпь*.

Выявление и анализ типов связей между элементами полевых структур является еще одной не мало важной задачей нашего исследования. Характерным видом связи специальных наименований, образующих ТП «золотоносные россыпи», т.е. такая связь, при которой два или более термина имеют общие и различные смы. Например, синонимы *многопластовая россыпь* - *многоярусная россыпь*. Эти наименования

объединяет общее значение «россыпь, в строении которой принимают участие два и более разновозрастных пласта». Сема «строение» присутствует в структуре лексического значения этих синонимов. Еще одним примером являются названия россыпей с объединяющей их семой «место» *локальная россыпь – местная россыпь – россыпи ближнего сноса*. В отношениях пересечения находятся терминосочетания типа *докембрийская россыпь – древняя россыпь – докембрийская россыпь – россыпь четвертичного возраста – россыпь голоценового возраста – молодая россыпь*. Имея в структуре значения общую сему «возраст», они различаются семами «конкретный период зарождения».

Отмеченные особенности терминологического поля «золотоносные россыпи» в русском языке подтверждают структурно-семантические параметры рассматриваемого поля» и его системную организацию.

Список литературы

1. Борхвальдт О.В. лексика русской золотопромышленности в историческом освещении. Красноярск, 2000. 157с.
2. Борхвальдт (Фельде) О.В. Словарь золотого промысла Российской империи. М. «Русский путь», 1998. 240 с.
3. Географический словарь. М.: Просвещение, 1968. 245 с.
4. Геологический словарь. М.: Недра, 1973. Т. 1. 485 с.
5. Горное дело. Терминологический словарь. 2-е изд. М.: Недра, 1974. 527 с.
6. Морозова Л.А. Терминознание: Основы и методы. М.: ГНО «Прометей» МПГУ, 2004. 144 с.
7. Мурясов, Р.З. Лексико-грамматические разряды в грамматике и словообразовании / Р.З. Мурясов // Вопросы языкознания. 1999. № 4.
8. Проблемы геологии россыпей / Под ред. В.И.Смирнова. Машадан, 1970
9. Татаринов В.А. Теория терминоведения: В3 т. Т.1 Теория термина: история и современное состояние. М, 1996, 311 с.
10. ГОСТ 3827-47 Горное дело. Горные выработки. Терминология
11. ГОСТ Р 52793-2007 Металлы драгоценные. Термины и определения
12. ГОСТ 6902-75 Золото и серебро сусальное. Технические условия
13. ГОСТ 6835-2002 Золото и сплавы на его основе. Марки
14. ГОСТ 27973.0-88 Золото. Общие требования к методам анализа

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА ЧЕЛОВЕК В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Тэн Лэй

научный руководитель канд. филол. наук, доц. Беляева Е.В.

Сибирский федеральный университет

Концепт *человек* является ключевым концептом в каждой культуре. Но его интерпретация может отличаться от языка к языку, что составляет его культурную специфику. Объектом исследования стал концепт *человек/ren* в русском и китайском языках. Материалом послужили словари, а также результаты ассоциативного эксперимента.

К данной проблематике обращались многие исследователи: Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, В.В. Колесов, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия, Р.М. Фрумкина, В. И. Карасик и др. Согласно определению В.И. Карасика, «*культурный концепт – многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная сторона*» [1].

Нашей задачей стало выявление трёх компонентов культурного концепта: понятийного, образного и оценочного. Как правило, языковой анализ показывает, что трудно найти в двух языках такие лексические единицы, содержание которых (включая денотат, коннотации и лексический фон) было бы абсолютно идентичным. Поэтому интересно сравнить значение и фоновое окружение слова *человек* в русском и китайском языках. Для этого следует обратиться к данным толковых словарей.

Понятие *Человек* находит широкое толкование в различных словарях, обращая внимание на различные его аспекты. Так, например, в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова приводятся следующие значения слова *человек*:

Человек – 1. Живое существо, обладающее даром мышления и речи, способностью создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда. *Человек – это звучит гордо. Рабочий человек. Учёный человек. Честный человек. Молодой человек* (обращение). 2. При крепостном праве: дворовый слуга, служитель, лакей, а позднее официант, слуга [4].

Авторы «Иллюстрированного толкового словаря современного русского языка» дают одно значение слова *человек* [3].

Человек – Живое существо, обладающее даром мышления и речи, способностью создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда. *Рабочий человек. Учёный человек. Прекрасный человек. Человек с большой буквы* (высокие моральные качества). *Человеческое достоинство. Поступить не по-людски.*

Таким образом, можно выделить следующие смыслы в лексеме *человек*: «*живое существо*», «*мыслящее*» и «*говорящее*», «*создающее орудия труда*» и «*участвующее в общественном труде*», «*обладающее моральными качествами*».

В китайском словаре иероглифов «Синьхуа» человек/ *rén* имеет следующее определение: *Человек/ rén* – по эволюции антропопитек, который может создавать и использовать инструменты труда и использовать язык для общения с животным миром: человечеством (人 – 由类人猿进化而成的能制造和使用工具进行劳动、并能运用语言进行交际的动物: 人类). Это ключевой иероглиф в китайской письменности, который имеет значение высшего существа, которое может создавать инструмент, изменять природу и в тоже время использует речь. Иероглиф 人 – передаёт образ человека с мотыгой, который стоит боком [2].

Так, можно выделить следующие смыслы в лексеме *человек/ren*: ‘человекообразное существо’, ‘создающее и использующее орудия труда’ и ‘общающееся посредством языка’.

Чтобы понять, как мыслят современные русские и китайцы, мы провели ассоциативный эксперимент. В нём участвовало 70 русских и 70 китайских студентов 1-4 курсов Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета. Ответы-реакции записывались на родном языке. Словом-стимулом послужило слова *человек/ren*. Ответы записывались на родном языке (русском и китайском). В скобках указано количество реакций.

В сознании русского человек – это (а) *существо* (4), *биологическое существо*, *млекопитающее*, *обезьяна*; (б) живущее в обществе: *общество* (11), *социум* (3), *коллектив*, *права*, *закон*, *иерархия*, *индивид*; (в) в котором есть свобода и законы (*свобода* (3), *свободный*, *права*, *закон*, *равноправие*).

В отличие от русских китайцы воспринимают человека не абстрактно, а вполне конкретно, поэтому он многолик. Это *пекинская старушка*, *даос*, с конкретным именем, проживающий в конкретной стране. Это работающий человек с конкретной жизнью (*поступками*, *прошлыми делами*). Это человек, который постоянно учится.

Таблица 1 – Понятийный компонент концепта *человек/ren*

Русский язык	Китайский язык
1) это существо (4), биологическое существо, млекопитающее, обезьяна. 2) общество (11), социум (3), коллектив, индивид. 3) свобода (3), свободный, права, закон, равноправие,	1) 名字 имя (2), 婴儿 младенец, 北京老太太 пекинская старушка, 道士 даос. 2) 国家 страна (2), 国旗 флаг, 中国人 китаец, 祖国 родина. 3) 工作 работа (4), 职业 профессия (2), 4) 生命 жизнь (жизнь духовная), 生活 жизнь (его поступки), 事迹 прошлые дела, 缘分 судьба. 5) 老师 учитель (5), 学生 ученик, 科学 наука, 努力 старание, 学习 учиться.

В представлении русских *человек* – мыслитель, созидатель, разрушитель и творец. А для китайца важны определённые роли, которые человек исполняет на протяжении жизни – мужчина/ женщина, дети/родители, муж/жена, ученик/учитель, друг. Поэтому для него важны *дружба*, *любовь*, *семья*.

Таблица 2 – Образный компонент концепта *человек/ren*

Русский язык	Китайский язык
1. мыслитель (разум (9), ум (2), мышление (2), наука (2), homo sapiens (8), мысль, мыслящий, мировоззрение, дума, знание, самопознание, интеллект, язык (3), учиться). 2. созидатель (эволюция (5), развитие (3), созидатель цивилизации, творец, мир, могучий, цель). 3. разрушитель (сила (3), разрушение, разруха, война, угроза, вред, опасный). 4. творец (творчество, культура, красота, грация, воображение, мечта, творец).	1. мужчина/женщина (性别 пол (6), 男人 мужчина (2), 女人 женщина (2)). 2. дети/родители (家庭 семья (5), 爱情 любовь (4), 父母 родители (3), 妈妈 мама, 爸爸 папа). 3. муж/жена (丈夫 муж, 妻子 жена, 家庭情况 состояние семьи, 亲属 родственники, 亲情 родственные чувства). 4. 朋友 друг (4), 友情 дружба, 仗义 преданный друзьям. 5. 世界和平 мир во всем мире.

Человек в сознании русских очень противоречив: положительных и отрицательных оценок одинаково.

Кроме того, восприятие человека идёт через противоречия, борьбу противоположностей: *эгоист – альтруист, добрый – злой, разрушитель – создатель, умный – тупой* и т.д.

В сознании китайца человек – существо непротиворечивое. При этом положительных оценок (18реакций) даётся больше, чем отрицательных (6 реакций).

Таблица 3 – Оценочный компонент концепта *человек/ren*

Русский язык	Китайский язык
эгоист (4), разный (2), гуманность (2), ответственность, доброта, уязвимый, друг (4), друг собаки (3), достоинство, хороший, доброжелательный, честность, непредсказуемый, лжец, предрассудки, альтруист, тупой, предатель, пустозвон, злой, завистливый, грустный, счастливый, жадный, глупый.	善良(2), добрый, 诚实 честный, 幽默 смешной, 谦虚 скромный, 大方 щедрый, 活泼 активный, 灵巧 шустрый, 可爱 милый, 萌萌哒 забавный, 才华блестящий талант, 温柔的 ласковый, 坚强 крепкий, 脆弱хрупкий, 有才 одаренный, 独立 самостоятельный, 力量 сила, 自私 эгоист, 调皮капризный, 狡猾的 хитрый, 坏人 плохой человек, 小偷 вор, 酒鬼 пьяница, 高矮 высокий и низкий.

Итак, в русском языковом сознании человек противоречив, он соединяет в себе крайности и воспринимается более абстрактно, как и идея, нежели конкретно. Он занимает активную позицию. Ему надо что-то создавать либо разрушать, мыслить и анализировать. Русские респонденты связывают человека с *душой* (6 реакций), чего не отметили китайские респонденты.

В китайском языковом сознании человек конкретен, для него жизнь – это путь ученика, его поступки – его судьба. Он в большей степени положительное существо, нежели отрицательное. К окружающему миру он относится созерцательно и неконфликтно, поскольку стремится к гармонии с ним (*世界和平 мир во всём мире*). Кроме того, для китайцев оказался важным культ красоты, поэтому мы зафиксировали множество реакций, отражающих стремление китайцев к прекрасному. Всего 19 реакций (*美女 красавица, 美 красота, 美男 красавец мужчина, 漂亮的 красивый, 长相 внешний вид, 口红 помада, 品牌 бренд, 风格 стиль* и др.).

Лингвокультурологическое содержание концепта может неадекватно восприниматься представителями других культур по причине различия в языковом и ценностном сознании. С этим связаны возможные трудности при обучении русскому языку как иностранному.

Список литературы

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. С. 109.
2. Китайский словарь иероглифов «Синьхуа» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://xh.5156edu.com/html3/2696.html> (дата обращения: 17.03.2016).
3. Лопатин В.В. , Лопатина Л.Е. Иллюстрированный толковый словарь современного русского языка. М.: ЭКСМО, 2007. С. 875.
4. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1963. С. 865.

**РУССКИЙ ЯЗЫК И РУССКАЯ КУЛЬТУРА В КИТАЕ
(ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX ВЕКА)****Чжан Сюели****научный руководитель д-р филол. наук Фельде О.В.***Сибирский федеральный университет*

В задачи настоящей работы входит социолингвистический анализ условий и особенностей функционирования русского языка в Китае. На распространение русского языка в Поднебесной оказали большое влияние исторические факторы. После окончания Гражданской войны сюда устремилось значительное число беженцев, в основном белогвардейцы и представители интеллигенции, которые не приняли новую советскую власть. Особенно много русских было в Харбине, который находится на северо-востоке Китая. Это не случайно, так как в этих краях проходила Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД), которую строили и обслуживали в основном русские. До 1917 года колония русских в Китае по численности достигала 150 тысяч человек. В начале 20-х годов XX века она заметно увеличилась, т.к. пополнилась белоэмигрантами. По мнению специалистов, достоверного количества россиян, эмигрировавших в Китай, назвать невозможно так же, как установить полную цифру всей эмиграции первой волны (1917 – 1945 гг.). Исследователи последних лет определяют количество эмигрантов в Китае цифрой в 400 и даже 500 тысяч человек [Мелихов, 1997, с. 58; Печерица, 1999, с. 276; Кузнецова, 1998, с. 68]. Это почти пятая часть всех беженцев первой эмиграции XX века. По количеству русских подданных колония в Китае занимала 4-е место в мире после Франции, Германии и Польши.

Художественно-культурная жизнь русских в Харбине была весьма разнообразной. Русский язык использовался не только в семьях эмигрантов, в диаспорном общении, но и в разных сферах социальной и культурной жизни. См. об этом подробнее: [Гончарова, 2002; Лю Хао, 2001]. Н. Лидин в 1937 г. характеризуя Харбин, «столицу» русской диаспоры», указывает: «...социально-административный уклад жизни носил ярко выраженный русский характер. Функционировал русский суд, русская почта, русская полиция, городское самоуправление, сконструированное по русскому образцу. На улицах, в магазинах, в учреждениях господствовал русский язык. Харбин по облику своему напоминал былой русский город». (Цит. по: [Лю Хао, 2001]). Известно, что Харбин после 1917 года превратился в один из основных центров печатного дела Русского Зарубежья. Как отметил Г.В. Мелихов, «дальневосточная русская эмигрантская пресса представляет собой уникальное явление в жизни всего российского зарубежья. В одном Харбине в период 1920-1945 гг. издавалось более 50 крупных газет, около 20 общественно-политических и литературных журналов, многие из которых выходили в течение десяти и более лет подряд, работал и ряд крупных книгоиздательств» [Мелихов, 1997, с. 96]. В Харбине в 20-е годы XX века русский язык использовался также в сфере городского самоуправления, в общественных организациях и объединениях, союзах молодежи. Русский язык изучался в школах, гимназиях, институтах, университетах. Существовали десятки русских библиотек, развивалось книгоиздательское дело, выходила русскоязычная пресса, в том числе литературная (См. об этом подробнее: [Лю Хао, 2001, с.41-42]).

Многие ученые отмечают, что в духовной жизни Харбина русские интеллигенты-харбинцы занимали приоритетное положение. Они чувствовали себя в своём городе. Одной из основных сфер, где были заняты русские – была сфера СМИ и издательское дело. Книги издавались или за счет автора или на средства меценатов.

Важно отметить, что в Китае в 20-е - 30-е годы XX века издавались газеты на двух языках: русском и китайском, например «Гун бао», русскоязычный вариант которой редактировал Вс.Н. Иванов, и «Заря» (организовал её М.С. Лембич). Часто выпуск русских газет был приурочен к какому-либо памятному событию истории, общественной и культурной жизни. Например, «День русской культуры» был посвящен дню рождения А.С. Пушкина. Заметными периодическими изданиями в этот период времени являлись эмигрантские газеты «Свет» (1919-1924), «Русский голос» (1920-1926), «Рупор» (1921-1937), «Копейка» (1923-1925) и др. (См. подробнее: [Гончарова, 2002, с. 107]).

Огромную роль в литературной жизни Харбина и в укреплении позиций русского языка в Китае сыграл журнал «Рубеж». Он издавался с 1927 по 1945 год. Выходил еженедельно, и в каждом из его номеров печатались на русском языке литературные произведения: стихотворения, новеллы, небольшие повести и романы, в частности переводные. Журнал имел приложения, в том числе и посвященное литературному детскому творчеству. Таким образом «Рубеж» сумел создать сеть корреспондентов, ему писали и представители художественно-культурных центров не только китайской русской диаспоры. Всё это создавало благоприятные условия для функционирования русского языка в Китае. Издавал и редактировал журнал «Рубеж» долгие годы Е.С. Кауфман, затем М.С. Рокотов-Бибинов. Е.С. Кауфман много сделал для развития русскоязычного издательского и газетного дела в Китае, он основал русские типографии не только в Харбине, но и в Шанхае и Тяньцзине.

В Шанхае также широко функционировал русский язык в среде русских эмигрантов. Следует отметить важную роль газеты «Слово» и журнала «Понедельник», а также дважды вышедшего альманаха «Врата» в популяризации русского языка.

Таким образом, русская эмиграция не только занимала важное место в культурной жизни Китая, но выступила в качестве проводника русского языка в зарубежное пространство, способствуя тем самым его превращению в один из мировых языков планеты. Важно, что основу дальневосточной эмиграции составляла интеллигенция, которая много делала для сохранения чистоты русского литературного языка, а также для его популяризации не только внутри диаспоры, но и среди китайского населения.

Список литературы

1. Гончарова Н.В. Культура российской эмиграции в Харбине: опыт историко-культурного анализа: дис. ...канд. культурологи. СПб., 202. 229 с.
2. Кузнецова Т.В. Русская книга в Китае (1917-1949) [Текст] / Т.В. Кузнецова. РАН, Сиб. Отделение ГПНТБ; отв. ред. А.И. Букреев. Хабаровск: Дальневосточная гос. науч. библиотека, 1998. 68 с.
3. Мелихов Г.В. Русская эмигрантская печать как источник по истории адаптации эмигрантов в Китае // Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX-XX вв: Сборник статей. М., 1997. С. 96
4. Печерица В.Ф. Духовная культура русской эмиграции в Китае. Владивосток, : Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. 276 с.
5. Лю Хао. Поэзия русской эмиграции в Харбине: основные имена и тенденции: дис. канд. филол. наук. М. 2001. 261 с.

